

КОНСТАНТИН МАЛАХОВ

16+

16 Days in 4 Great Cities of the SOVIET UNION \$192*

Visit the new and the old in highly individual cities of Soviet Russia where dramatic new planning is altering social forms and yet preserving the majestic art treasures of olden times. Enriched with its palaces and "Hermitage" art gallery... Museum with its famous Kremlin and intense activity... Immerse with its numerous collective farms and communal life with choirs, clubs, and sports fields... Kin with its Russian and Ukrainian music and theatre.

INTOURIST provides everything — hotels, meals, all transportation, sightseeing, theatre tickets, Soviet visa, and the services of English-speaking guides.

*Special class, one night; \$242 for air alone. Ground related rates for three or four nights.

Other seasonal rates: Moscow and Leningrad, 7 days, \$65; Moscow, Kharkov, and Kiev, 10 days, \$102 up; Volgograd, 10 days, \$102 up; three tours to Turkestan Industrial Zone. Write for General Booklet L.A.

INTOURIST, INC.
201 23th Ave., New York, N.Y. 10010; Chicago, Ill. 60610; Los Angeles, Calif. 90015. Or see your local agent.

TRAVEL IN THE SOVIET UNION
www.the-amr.com/indirectm.com

SEEING SOVIET RUSSIA
THE 1955 HANDBOOK OF TRAVEL IN THE U.S.S.R.

★ U.S.S.R. ★

★ TOURS BY LAND SEA AND AIR ★

Intourist Ltd.
Official Agent of the U.S.S.R. from Trans Europe
Book House Albany London, W.C.1

МОЛНИЯ СРЕДИ ЛЕСА

Константин Малахов

Молния среди леса

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Малахов К. К.

Молния среди леса / К. К. Малахов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-04858-4

1931 год. Молодой американец, потомок русских эмигрантов, Митт Корнев приезжает в Советский Союз для своего "стартапа" - создать атлас необычных мест. Однако, в очень глухой деревне Чернолесье он находит совершенно неожиданный след - компании Николая Тесла. Как связаны прогрессивный ученый и жуткие звери со светящимися глазами? Так ли просты редкие жители Чернолесья? Американец и предположить не мог, что в глубокой чаще русских лесов может решаться будущее мира.

ISBN 978-5-532-04858-4

© Малахов К. К., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава 1. Вперед в прошлое	5
Глава 2. Место встречи изменить нельзя	8
Глава 3. Историческая родина	16
Глава 4. Опыт, сын ошибок трудных	20
Глава 5. Короткий день и длинный вечер	25
Глава 6. Загадочный лес и его обитатели	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1. Вперед в прошлое

Дикая, бескрайняя страна. В начале путешествия, сердце, казалось, стучало в такт несущемуся вперед поезду. Ведь это мое первое дело, мне даже хотелось обогнать этот самый поезд, но постепенно эффект стал другим. То ли изменился ритм, отстукиваемый колесами, то ли меланхоличный пейзаж, с бескрайними буро-желтыми лесами, замедлил время. Эйфория спала. Я словно в тысячный раз ехал этим путем, а ведь это был мой первый приезд на историческую родину. Столько разных фактов о ней, столько суждений. Мне кажется, любой любознательный человек воспользовался бы возможностью, как и я, побывать в этой стране. Язык я знаю, спасибо бабушке, которая убедила родителей в правоте Гёте, о соотношении количества языков и уровня развития человечности.

Сейчас 1931 год, а за окном словно ничего не менялось уже тысячи и тысячи лет. Все те же леса, поля, озера и холод. Вспомнив о температуре, я содрогнулся и с удовольствием обнял ладонью стакан с чаем. Говорят, что чай в поездах здесь является традицией. Что ж, осенью она особенно уместна. Глоток горячего напитка немного разбавил мою меланхолию, и я снова подумал о деле, ради которого приехал на другой конец земли. Друг моей семьи, профессор зоологии или инсектологии (точно не скажу) Джон Честер, несколько лет назад вернулся из этих мест. Искал какого-то особого комара в местных болотах. Не знаю, нашел ли, но укусы свидетельствуют о том, что каких-то комаров он все-таки повстречал. Но суть не в этом. Во время своей экспедиции, он останавливался в очень глухой деревне под названием Чернолесье. «Единственное, что делало это поселение достойным звания населенного пункта – это ваш покорный слуга» – так высказался профессор о месте своего пребывания. И вот однажды вечером, когда недовольный мистер Честер попивал бренди возле печи, за окном раздались крики. Движимый страхом скорее за себя, чем за кричавшего, он схватил ружье и осторожно выглянул наружу. Брать фонарь поостерегся, чтобы не выдать себя. Взору профессора предстала темная улица. Один из местных жителей, отчаянно крича что-то (скорее всего ругательства, как справедливо заметил мистер Честер), влезал на дощатую стенку сарая. На земле, около стены, мельтешило что-то темное, издавая непонятные звуки. Профессор, успев немного ознакомиться с местной спецификой, уже было решил, что на земле также находится человек, скорее всего нетрезвый. Но в следующую секунду эта темная масса обернулась и на Джона Честера уставилась морда огромного чудовища. Профессора зоо- и другой «логии» трудно испугать каким-либо животным, так как вместо врожденного в обычного человека страха, у него включается любопытство исследователя. Однако, данный экземпляр оказался огромным кабаном – вепрем, главной особенностью которого были горящие огнем глаза («сильно фосфоресцирующие, словно с лампочками изнутри» – описал их профессор). Увидев нового человека, вепрь двинулся в сторону Честера и тот уже было стал прицеливаться, но внезапно животное остановилось, словно задумавшись и затем убежало, растворившись в темноте улицы. Профессор вернулся в дом, допил бренди и задумался о произошедшем. Как ученый, он не мог пройти мимо чего-то нового и неизведанного, но как человек из мира материального был обязан придерживаться бюджета экспедиции и не тратить время на сторонние исследования. Я поинтересовался, почему профессор не написал статью об увиденном или не снарядил новую экспедицию. Мистер Честер ответил, что ученая статья – это как ресторанное блюдо: не важно из каких продуктов оно приготовлено, важно красиво, сложно и дорого подать, а у него, кроме этой единственной встречи, притом еще и с бренди, никаких фактов больше нет.

Я разволновался. Ну а как же иначе? Я уже несколько месяцев вынашиваю идею сборника необычных мест и историй, собранных по всему миру. Это будет и альманах путешественника,

и энциклопедия, и интересное чтение под одной обложкой! Целая серия книг, рассортированных по годам или континентам!.. Простите, увлекся своими мечтами.

Подхваченный вдохновением, я взял большую часть денег, выделенные отцом и матерью на собственное дело (мне, как и любому молодому человеку, очень хотелось сделать что-то свое, а не просто унаследовать отцовские достижения) и двинулся в путь. Очень далекий путь. В Россию.

Началось все очень шаблонно – с обращения в турагентство. Вроде бы США еще официально не признали Советский Союз, но туда активно ездили предприниматели, рабочие, туристы. В самом СССР даже создали агентство «Интурист» зазывавшее с рекламных объявлений полюбоваться этой страной. Станный он, современный политический мир. Вот я на эту рекламу и купился. Обилие предложений туманило взгляд, словно витрина в кондитерской лавке: Ленинград, Батуми, Крым, Кавказ, Сибирь. Путешествие по горам, сплав по рекам на комфортабельных пароходах, экскурсии на возводимые объекты. По словам профессора, мне нужно было в Сибирь, в регион с красивым историческим названием Югра. На сегодняшний день точнее назвать это Северным Уралом. Посоветовавшись с турагентом, я купил экскурсию на транссибирскую магистраль, которая домчит меня практически к месту назначения.

Начало было многообещающим: комфортное морское путешествие до Советского союза. Правда я совсем не наслаждался морским воздухом, а нетерпеливо ерзал на месте, считая часы до прибытия. Затем – поезд до Москвы, где я пересел на тот самый Транссиб. Заряженный оптимизмом, дававшим на выходе все тоже нетерпение, я добрался до Екатеринбурга, который теперь назывался Свердловском. Когда остановка затянулась и поезд опустел стало понятно – остановка не вполне обычная.

Оказалось, что часть полотна впереди то ли реконструируют, то ли ремонтируют. Работают, в общем, посему пассажирские перевозки далее Свердловска пока отменены. Естественной моей реакцией был гнев на турагента, который этого не предусмотрел, и ничуть не слабее я был зол на советскую железную дорогу, которая ни словом не обмолвилась о неполном пути. Выход, однако, был там же где и вход, а назад мне еще не хотелось. Я решил, что найду способ.

Вот здесь стало чуть труднее, так как подробных карт и маршрутов для путешественников в России нет, что меня шокировало, учитывая географический размах этой державы. Все что есть – лишь старая информация о городах, реках, геологии и прочем, но ни слова о том, где проходит какая ветка поезда, как можно попасть в нужную точку кратчайшим и дешевым путем. Пришлось самому стать, в некотором роде, исследователем. Результаты следующие: три раза меня уговаривали ехать на лошадях, аргументируя это дешевизной. Но мысль о преодолении нескольких сотен километров в телеге, да еще по грунтовой дороге, почти убила путешественника, сидящего внутри меня. Я бы предпочел быть пассажиром. Еще мне предлагали присоединиться к каким-то комиссиям с не выговариваемыми названиями, вроде ВЦСПС, ВЛКСМ и прочей абракадаброй, но меня смутили хмурого вида мужчины, в картузах и кожаных куртках, которые заинтересовались моим акцентом. Уже было отчаявшись, я пришел на железнодорожный вокзал, попробовал получить там справку. В ответ мне сказали, что справок не дают, если не знаешь куда тебе нужен билет, то сиди дома и изучай географию, а здесь люди делом занимаются. Каким делом, помимо продажи билетов, я так правда и не понял. Видимо расстройство явно отразилось на моем лице и женщина в окошке, продававшая билеты, окликнула меня. Я столько читал об отзывчивости русских женщин и был счастлив убедиться в этом сам, ибо это чистейшая правда. Честно говоря, схема получения мною билета была не до конца понятна, но звучала она примерно так: «Не раскисай, каша заграничная. Зоя Ивановна тебе поможет. Смотри сюда, поезд доезжает вот до этой станции (тыкает пальцем в карту, висевшую за стеклом ее окошка). Все что тебе нужно – это слезть там, найти какой-то тарантас, который

допрет тебя в твое Чернолесье. Мест свободных правда нет, поезд-то вроде как служебный. Но едет тут один стройотряд, тоже в дебри куда-то, типа твоих. Я у их компашки один билетик то выну, скажу ошиблись, на одно место. Ну а что, дело житейское, потом приедут. Они молодые, с начальником поезда покалякают, договорятся что уместятся по двое на одном месте. Им молодым даже лучше и задорнее. Да и начальнику магар перепадет какой-никакой. В общем – всем хорошо. Ты как насчет такого?»

Насколько я смог понять, схема была не очень красивая. Как же так, ведь эти... строители или как их, тоже пассажиры. Однако, увидев через окно вокзала, как холодный ветер гнет ветки деревьев, я согласился. И вот, сижу себе в неплохом купе, попиваю чай, люблюсь пейзажем...

Внезапно поезд стал резко тормозить. Каким-то чудом, я не уронил чай, лишь немного выплеснув на столик и себе на брюки. Спустя пару секунд после остановки в дверь купе постучали. Отряхивая брюки, я открыл и увидел стюарда, или как здесь говорят –проводника. Он не спешил извиняться, как подумалось, а лишь окинул взглядом купе и меня. Спросил, все ли в порядке, но не уточнил имеет ли он в виду помещение или его пассажира. На мой вопрос о причине остановки ответил, что впереди решили провести внеплановую замену рельсов. Я возмутился, мол как же так, ведь договаривались до определенной станции. Проводник лишь пожал плечами и на сим наша с ним беседа прекратилась. Решив узнать, где мы хотя бы находимся, я направился к выходу из вагона. Уже на подступах к заветной двери чувствовались сырые и холодные потоки воздуха, которые слово ощупывали меня, приезжего в эти края. Содрогнувшись, я подошел к выходу, выглянул и обрадовался. Ведь это была та самая станция, через которую лежал мой маршрут! Радость нивелировала гнев на проводника, которого просил предупредить о прибытия в это место. Видимо, само провидение благоволит мне. Радостным галопом понесся в купе, собирать вещи. Это не заняло много времени: всего один кофр с вещами, рюкзак, последней модели, с множеством отделений и отдельный чемоданчик с фотографическим аппаратом (на него тоже ушла часть моих подъемных средств).

И вот, вдохнув холодный воздух, без малейших неприятных мыслей, я ступил на перрон, где встречала заветная надпись: «Веселенькое».

Глава 2. Место встречи изменить нельзя

Все же, многоуважаемый профессор был неправ, говоря о мрачности и убожестве здешних мест. Когда я ступил на вокзал, то мир для меня словно переменялся: приветливо зашуршали пестрые деревья, калейдоскопом заиграл свет на брусчатке перрона и железных боках вагонов. Воздух уже не казался холодным, а безумно свежим и бодрящим. Я с удовольствием сделал несколько глубоких вдохов и широко улыбнулся. Сама станция тоже не так уж и плоха. Не новое, но величественное здание тянулось вверх. Не будучи огромным, оно выглядело монументально, явно не обошлось без архитектора. Точно, ведь станция наверняка была построена еще до революции, тогда любили основательность, а вдруг царь кинет свой взор? Я осмотрел перрон. Ничего особенного: вымощен выбеленным дождями камнем, несколько длинных лавок с навесами, на одной из которых громоздилась куча какого-то тряпья.

– Мяу.

Неожиданно раздалось сверху и мгновение спустя передо мною приземлился кот. Он был рыж, выглядел неряшливо, да и взор его казался... мутным. Это был первый житель, встретивший меня в здешних местах и нужно было проявить учтивость. Я громко сказал:

– Здравствуйте, товарищ.

Внезапно, текстильная гора на лавке, словно подвергшись землетрясению, задвигалась. Из ее недр появилась голова, величавшая эту кучу. Пухлое лицо, неухоженная борода, в которой что-то запуталось, глаза-шелки – все эти портретные характеристики подчеркивал ужасный запах, даже не берусь утверждать, чего именно.

– Ты кто? Пузырь? – открывшийся рот обдал меня волной еще более смрадного запаха. Не знаю, что в таких случаях предписывает учтивость, но решил быстро ретироваться к зданию вокзала. Вдохнув глоток чистого воздуха, я немного отошел от встречи. Дверь на вокзал не уступала монументальности зданию и вполне подошла бы где-то в мэрии. Что ж, посмотрим, что скрывается за таким фасадом.

Первым из чувств у меня отреагировал слух. Слева доносился звук играющей пластинки.

«Неее проообууждаааай вооспоооминанья... минуувших лееет, миинуувших днееей...» – поскрипывая крутил пластинку граммофон. Звук закрывшейся за мной двери гулко отозвался в помещении. Рядом с граммофоном я обнаружил женщину, восседавшую за стойкой прилавка. Она была средних лет, довольно крупного телосложения, с приятным округлым лицом. Поверх ее одежды был накинут синий фартук (наверное, нечто вроде униформы), поверх которого, в свою очередь, был накинут жилет из меха какого-то животного. Продавщица сидела возле весов, держа в пухлой руке книгу так, чтобы на нее падало больше света от висевшей сверху лампочки Эдисона-Ильича. Собственно, все что было внутри здания это стоящие где-то во мраке несколько лавок, штабели каких-то ящиков и вот этот музыкальный уголок, который, как я понял, был еще заодно и магазином. Простейший деревянный прилавок, несколько стеллажей за ним, с расставленными коробками, кулками и консервными банками, мешки, стоящие прямо за прилавком, допотопного вида весы. Никакой реакции на мое появления эта женщина не выказала. Лишь увидев, что я так и стою молча, перевела взгляд от книги на меня и бросила короткое:

– Ну?

– Добрый день. – поприветствовал я, улыбаясь.

Продавщица почему-то погрустнела.

– Чего тебе?

Я был немного обескуражен таким подходом. Вероятно, в такой местности просто подозрительно относятся к чужакам.

– Простите пожалуйста, женщина (вдруг вспомнилось мне такое обращение), не подскажите мне возможность добраться до деревни Чернолесье?

Ее глаза сузились:

– Прибалт что ли? Что за говор у тебя такой. На беглого зека не похож, очень уж ручки нежные.

Я смутился и спрятал руки за спину.

– Из ЧК что ли? – на этом загадочном слове она даже немного подобралась.

– Я из Сан-Франциско, Соединённые Штаты Америки! – и подарил ей свою самую искреннюю улыбку. – Хочу написать научно-популярную статью.

– Из Америки? – ее напряженность мгновенно улетучилась, а глаза открылись еще шире. – Обалдеть. Райка не поверит. А у нас чего забыл?

– Мне нужно попасть в Чернолесье.

Брови женщины удивленно поползли вверх:

– За каким тебе надо в такую дыру? Строить что собираются?

У меня возникло ощущение, что эта женщина, отвечая на вопросы, сама получает больше информации чем отдает. Неужели правительственный агент?

– Нет. Я приехал один. Здесь у вас были замечены необычные звери. У них еще глаза светятся. Хочу написать об этом статью. А в будущем у меня планы создать альманах необычных места всего мира!

Продавщица смотрела на меня с чувством жалости. Сочувствует, наверное, моему проделанному пути, будущему хождению по диким лесам.

В этот момент откуда-то из мрака помещения раздалось шуршание. Наши головы синхронно повернулись на звук.

– Как же они меня достали! – в сердцах воскликнула дама. – Надо опять звать Григория Ивановича. Он, наверное, поблизости тут где-то бродит.

– Скорее всего, я его видел. В тряпках.

– Это на него похоже! – кокетливо махнула рукой продавщица и улыбнулась. Надо же, у нее чувства к этому...товарищу с грязной бородой.

Тем временем, женщина достала с полки консервную банку, на которой я увидел нарисованный силуэт рыбы.

– Не поможете ли открыть, товарищ? – сделав ударение на последнем слове попросила моя новая знакомая. – Меня, кстати, Марией зовут. Просто Мария.

– Митт Корнев, – учтиво ответил я, беря в руки банку и консервный нож.

– Сам понимаешь, Митт, за работу надо платить. А то ведь, оголец, и мышей ловить не станет, будет лучше по вокзалу побираться ходить.

Меня внезапно осенило:

– Григорий Иванович – это кот?!

– Ну да, – удивилась Мария. – А ты о ком?

– Ну...там...еще мужчина...такой...

– Ааа, это Петюня наш местный, черти б его взяли. Рабочничек хренов. Смотритель... – следующее слово было приглушено ладонью Марии. – А, ладно. Ты то все равно таких слов не знаешь.

Я не знал, но догадался, какого рода была характеристика Петюни.

Банка наконец-то открылась и была гордо возвращена продавщице.

– Ой спасибочки. Ладно, – Мария уперлась руками в прилавок, – вижу парень ты неплохой. Там позади станции Юрка Гаринов с машиной возился. Он тут у нас работает на вышках, механик какой-то что ли или инженер. У нефтяников там какие-то проблемы, он как раз тут проездом. Ты в общем с ним поговори, он вроде и в Чернолесье бывает. Если что – скажи от меня. Ну, не пропадай...товарищ, – она захихикала в ладошку.

Я совсем не обиделся. Мне подумалось, что между Петюней и Григорием Ивановичем было вполне логично выбрать кота.

На заднем дворе действительно стоял автомобиль. Мне он напомнил какой-то модифицированный фургон Форда. К бокам были приварены листы металла. На крыше горбилась непонятного вида надстройка. Я обошел вокруг машины и мне предстала картина, как авто пытается съесть своего водителя. Видно было только его нижнюю часть туловища, торчащую из пасти капота. Уже не уверенный, здороваться мне или нет, я просто постучал по кузову. Водитель отреагировал не сразу. Это «незамечание» окружающих у них черта характера? Он вылез из-под капота, не спеша вытер руки какой-то бурой тряпкой и лишь потом поднял на меня взгляд.

Этот человек был уже не юношей, но не был стар, я бы дал ему лет тридцать пять. Резкие скулы, узкий подбородок, устремленный вперед взгляд светлых глаз – словно сошедшая с плаката картинка. Я видел такие, про новых строителей Союза Советских Республик. Его движения были несуетливы и выверены, в них чувствовалась уверенность. Я снова немного оробел.

– Извините... – промямлил я, – мне Мария... из магазина, из станции, сказала, что вы едете в Чернолесье. Не могли бы вы меня тоже (снова вспомнилось слово) прихватить?

Мужчина осмотрел меня сверху вниз, затем обратно. Я инстинктивно взглянул на себя: кожаная авиаторская куртка, очень теплая, с множеством дополнительных карманов; джинсы Левайс, самые надежные. Да, в обществе пока еще могут криво посмотреть на ношение грубой рабочей одежды как повседневной, но глупо отрицать практичность такой одежды; на ногах отличные кожаные сапоги, теплые и комфортные внутри, при этом не менее надежные снаружи. Судя по рекламе, эта же фабрика делает такие модели для армии.

– Ну да машина увезет двоих, я думаю – водитель ответил спокойно, без какой-то радости, но и недовольства не наблюдалось. – Только баулы свои давай в кузов. В кабине места не так уж много.

Я отдал кофр и рюкзак, а фотоаппарат взял с собой. Вещь-то хрупкая.

Мы залезли в салон. Мужчина резко повернулся ко мне, протянул руку:

– Юра. Юрий Гаринов. Инженер силовых установок.

– Митт. Митт Корнев, – пожал руку в ответ, второй прижимая к груди чемоданчик с фотоаппаратом.

– Что за имечко такое? – удивился Юра.

– О, я из США., – ответил я, гадая как он к этому отнесется, – Меня бабушка хотела Дмитрием назвать, но родители не хотели выделяться...

– Митт... – Юра задумчиво перевел взгляд на потолок, а затем снова на меня. – Не против, если я буду звать тебя Митей? Сейчас правда пошла мода Дмитриев называть «Дима», но я вот так по старинке, да и к твоему имени близко, а? – он весело мне подмигнул.

– Конечно! – я позволил себе немного расслабиться. Митя. Звучит неплохо.

Юра с уверенностью подергал какие-то ручки, затем повернул ключ зажигания. Двигатель коротко хрюкнул и в следующую секунду взревел, словно бык готовый к бою. Водитель немного погазовал, снова повернул какую-то ручку, и мы тронулись в путь. Стоит отметить, что машина бежала по грунтовой ленте дороги довольно резво. Ям почти не ощущалось, лишь покачивание. Юра видимо заметил мою реакцию и улыбнулся:

– Как тебе агрегат? Хорошо идет?

– Просто отлично! – искренне ответил я. – Это советская разработка?

– Типа того. Ваши ребята приезжали Тракторный завод в Сталинграде строить. Помогать строить, – поправился Юра. – Пообщался с некоторыми – толковые инженеры, дали пару подсказок по машине. Предлагал им остаться у нас, но не захотели.

– Некоторые граждане США с опаской смотрят на молодое советское государство, – выдал я прямо протокольную фразу.

– Ну а как же иначе, – усмехнулся Юра и ловко обрулил яму на дороге. – А ты, Митя, как сам к СССР относишься?

Мне не хотелось врать этому человеку, и я решил не увиливать:

– Если честно, Юра, я пока здесь очень мало времени. Большинство фактов о Союзе получаю из американских газет. Там все пишут... Нью Экономик Политикс... как это...

– НЭП, – подсказал Юра.

– Да, точно. НЭП, товаров нет, людям не разрешают заниматься своим хозяйством, уровень дохода страны крайне низок и все такое. Рисуют картину дикого леса, наполненного дикарями и охотниками за ними. Но я добрался из Сан-Франциско вот до этого сидения и не могу сказать, что меня что-то сильно напугало. Да, некоторое было непривычным, но это больше к вопросу менталитетов. Мне кажется не совсем правильным оценивать страну смотря откуда-то издалека. Как нельзя оценивать автора по худшему произведению. Ведь никто не общался жителями, не видел, что здесь происходит. Вот ты меня, американца, подводишь на машине – значит не так все ужасно?

– Я уже был готов с тобой спорить, Митя, но ты меня удивил, – задумчиво проговорил Юра. – Конечно же, плохие новости лучше продаются. Не буду выливать на тебя ушат пропаганды и цитировать Маркса с Энгельсом, скажу тебе свое мнение. Ты ведь в органы точно не настучишь, – он снова мне улыбнулся. – Всякой чернухи здесь хватает. Да есть аресты, есть это раскулачивание... но, Мить, есть и другие моменты. Вот я тебе говорил про тракторный в Сталинграде? А в этом году мы открываем еще больший – в Харькове. Через год – автозавод в Горьком. Машины будут называться – ГАЗ. Смешно правда – по улице едут газы... Книжки для трудящихся введем, чтобы стаж считался. С образованием тоже разгребаем после царей. С двадцать седьмого года оно у нас обязательное для всех. А то кинулись – оказывается в школу то ходило около полутора миллионов всего лишь. А сейчас уже восемнадцать! И число учащихся растет. У нас сейчас идет так называемая пятилетка. И все эти заводы, фабрики и школы – это пункты ее плана, которые успешно выполняются. У вас вон, – Юра кивнул на меня головой, – тоже кризис только спадать начал. А так ничего – приезжали к нам, работали. Потому, что рабочий человек – это сила, которая победит всех этих политиков, сама себя сможет спасти от любой беды. Неважно какая национальность – американец, турок или китаец. Чем больше в реке родников, тем она сильнее и чище.

Юра замолчал, я тоже не знал, что сказать. В чем-то он, конечно, был прав. СССР едва исполнилось десять лет, чего можно ждать в таком юном для страны возрасте? А если учитывать сказанное Юрой, то результаты более чем впечатляющие. Недостатки они везде есть, главное, чтобы достоинств в жизни у человека было больше. Задумавшись, я смотрел в лобовое стекло. Вокруг был удивительной красоты осенний лес. Буйство красок, форм. Деревья причудливо переплетались кустарником образуя настолько густую чащу, что, казалось, мы ехали в коридоре. Идти сквозь такой лес было бы безумием. О каком-либо транспорте не было и речи.

– Любуешься? – нарушил молчание Гаринов.

– Чудесный лес, – сказал я, не отрывая от окна взгляда.

– Что есть, то есть. Вся наша сегодняшняя страна, мистер Митя, по сути лес. Вопрос в том, как ты на этот лес смотришь. Ведь если приезжает какой-то промышленник со стороны – не обязательно иностранец – то он как себе лес видит? Ага, вот тут есть лес на дрова, вот тут на древесину, – при этих словах Юра ребром ладони словно делил невидимый пирог на части. – Здесь – пушные звери водятся, а вот тут мы будем рыбу вылавливать. А вот это золотишко из реки я себе, пожалуй, возьму. Вот все это для него, – Гаринов обвел рукой пространство за лобовым стеклом, – лишь набор ценных вещей. А для других – это набор ценностей. Ведь лес – это дом. В нем живет очень много разных видов. Да, есть и хищники, но так устроена природа, ее не поменять. Для каждого из них есть что-то хорошее и каждый может принести пользу. Кто старое дерево переработать, кто каких-то жуков лишних отловить, а кто-то собою

накормить готов остальных. И лес рад своим жителям помогать, давая и пищу, и материалы. Бери, пользуйся, но и о лесе не забывай. Не пытайся всех съесть. Один, без мелких мушек или даже травы, ты в чаще не выживешь. Не будет что есть и как жить.

– И вы считаете, что у вас получится создать такой волшебный лес? Территория то у вас, конечно, огромная...

– А причем здесь территория? – удивился Юра. – Мы открыты для всех, кто готов с нами жить и трудиться. Пускай такой лес будет на всей планете, кто же против? Мы надеемся показать пример, что такое в принципе возможно. Люди сами пойдут к нам.

– Это Всемирная революция? – память услужливо подставила мне еще одно название из газет.

Юра кисло усмехнулся:

– Я бы назвал это всемирным развитием. Революция – это что-то такое резкое, боевое, кровавое. А развитие – это к чему приходишь сам, а не приводят громкие призывы.

– Мария из магазина говорила о каких-то проблемах на нефтяных вышках? Ты там работаешь? – спросил я, посмотрев на Гаринова.

– А, – отмахнулся он. – Сарафанное радио.

Я не совсем понял, что сие означает. Водитель, взглянув на меня, пояснил:

– Любое слово, переданное через десять разных людей, становится новостью. Добыч, Митя, процесс очень трудный, и если бы на нем ничего не случилось – вот это было бы новостью. А так все обычно: то насос полетит, бур ломается, давление нестабильно. Я уже молчу про холод и мошкату. Вокруг дикая природа, которая живет по своим законам. И скажу тебе честно, она не всегда рада видеть нашего брата. Тем, – Юра неопределенно показал рукой куда-то вверх, – все равно. У них план, все рассчитано на годы вперед. Только вот нет в плане задранных медведями, утонувших в болоте, обмороженных, травмированных...

Гаринов замолчал и сжал губы, задумавшись.

– Ты не подумай, что я жалуясь, – он весело мне подмигнул. – И не хвастаюсь. Наш человек наоборот – тяжелой работы не боится. Нам бы как раз задачи помасштабнее, поменьше разговоров. Тогда у людей появляется цель, а вместе с ней и кураж.

Я невольно заслушался, но внутри немного забурлило чувство патриотизма. Прямо новое человечество, не то, что мы, пережитки. Однако, до кипения это чувство не дошло, и мы оба молчали.

– Что это ты саквояж свой прижал к себе? – Юра кивнул на мой фотоаппарат. – Деньги что ли везешь?

– О нет. Это «Кодак», фотографический аппарат.

– Да ну? – живо заинтересовался Гаринов. – Серьезно? Я слышал от ребят про такие аппараты, портативные. Сам видел еще только старые модели. Слушай, Мить, будь другом, покажи аппаратик, а? Страсть как люблю технические штуки.

В его лице был такой мальчишеский интерес, что мне было бы неудобно отказать, да и вообще этот человек был приветлив со мной.

– Ну почему бы и нет. Только нам тогда придется остановиться.

Впереди показался какой-то просвет в бесконечной стене деревьев. Словно кто-то проделал дыры в этом бескрайнем лесном ковре. Близился вечер и солнце красивым лучом рисовало блестящую полосу на земле, играло зайчиками внутри кабины.

– Вон смотри, какая полянка, – показал рукой Юра. – Сейчас зарулим.

Ловко крутнув руль, бесстрашный водитель направил свой не менее бесстрашный советский автомобиль с прокатанной дороги на траву и без труда въехал на поляну.

– Доставай пока аппаратуру, а я сейчас, – сказал мне Юра, выскакивая из кабины. – Меня тут как раз немного прижало.

Он рысцой добежал до края леса и скрылся в густом кустарнике. Я вылез из машины, аккуратно поставил свой чемоданчик с кодаком на сидение. Не буду открывать, пока Юра не вернется, чего зря подвергать технику влаге, пыли, ветру. Вообще за такую цену ей лучше всего находиться в упаковке.

Пока же я просто мерял шагами поляну, вдыхал ароматы, слушал лесные звуки. Один из них показался мне выбивающимся из оркестра лесных голосов. Какой-то шорох и... дыхание? Я прищурился, стараясь рассмотреть что-то в чаще. Вон птица какая-то взлетела, зашевелился куст, вылетели каких-то два бледно-желтых жука... Господи боже, это были не жуки, а глаза! Признаюсь откровенно, в тот момент я меньше всего думал о цели своего визита. Когда я думал об этом вепре, то представлял себе, как некая громадная туша, с невероятным шумом ломится через лес, валя на своем пути деревья и громко рыча. На самом же деле это совсем не маленькое тело двигалось очень быстро и очень аккуратно. Было слышно лишь его выдохи и небольшой шорох веток под копытами. И от этого было лишь страшнее. Неумолимым ужасом ко мне приближалась клыкастая опасность.

Я попятился назад, боясь поворачиваться к животному спиной и заорал:

– Юююрааа!!!

Вепрь неумолимо приближался, все мое тело сжалось словно пружина в ожидании удара и последующей борьбы. Внезапно сильные руки схватили меня за ворот куртки и дернули в сторону. Пока длилось мое падение я успел заметить, как темное и жуткое животное с рыком врезалось в Юру. Раздалось сопение, звуки борьбы. Я все еще не мог понять, что же мне делать, руки нащупывали опору, чтобы встать. Весь мир сжался до этих квадратных метров вокруг машины.

Воздух разрезал громкий звук выстрела. Я увидел, как вепрь оставил взлохмаченного и раскрасневшегося Юру и ретируется в лес. С противоположной от нас стороны, из зарослей выходил человек. Пока он продвигался через окраину чащи, его силуэт то появлялся из-за кустов и веток, то исчезал, когда он, видимо, опускался в яр или яму. Наконец перед мной предстал мужчина, крепкого телосложения, высокого роста. Заросшее густой бородой лицо позволяло увидеть только внимательные глаза, ощупывавшие меня. Одет этот субъект был в сапоги грубой кожи, землистого цвета штаны свободного покроя и стеганную желтоватую куртку. Я читал, что такие называют ватниками. Грубая и, видимо, очень сильная, рука сжимала ружье.

– Юра, ты? – спросил он у Гаринова, который отряхивал одежду. Удивительное самообладание: у него был вид, словно ничего особенного не случилось. Неужели я и правда такой городской неженка? А может у них встреча с лесным зверем считается нормой?

– Познакомься, Егорыч, – Юра показал на меня рукой. – Митт Корнев.

Мужик внимательно на меня посмотрел.

– Из Америки! – добавил водитель, но без малейшей насмешки. Даже с какой-то важностью. – А это наш егерь – Денис Егорович. Хозяин леса.

Егерь кивнул мне. От такого мрачного и немногословного типа даже это выглядело чуть ли не реверансом.

– Это был кабан? – ко мне наконец-то вернулась речь. – Ой, то есть спасибо большое, мистер Денис Егорович. Вы спасли Юру и в перспективе – меня.

Мужик не ответил. Бросив взгляд на Юру, буркнул что-то про то, что нужно быть осторожным в лесу.

– Я посмотрю? – раздался голос Гаринова от кабины. Я машинально кивнул. Ценность фотоаппарата на время была отодвинута ценностью моей жизни.

Мне было немного неловко стоять молча возле егеря без Юры.

– Вам не встречался подобный экземпляр, но со ... светящимися глазами? – спросил я. – Это конечно необычно, но все же...

– Всякое в лесу бывает, – не поворачиваясь ответил этот хозяин леса. Как их тут еще называют? А! Леший. Что ж, этот образ егерю очень даже к лицу. Даже не попрощавшись, он развернулся и скоро исчез в чаще. Воцарилась тишина, которую можно услышать только в таком густом лесу. Ее нарушило восхищенное бормотание Юры. Он очень осторожно крутил в руках фотоаппарат, любовно осматривая его.

– Надо же какой компактный, меньше книжки. А это что тут за дверца? – Гаринов взглядом указал на заднюю стенку кодака.

– О, это модель из серии Autographed... – я немного замялся с переводом. – С подписью. Вот смотри.

Я открыл крышечку на задней стенке. Там лежал небольшой металлический стержень.

– Вот это, – я извлек его, – Stylus, по-русски – стило. Ну, чтобы писать.

– Лучше уж «перо» или «стилус», на латинский манер, – хмыкнул Юра. – «Стило» это прям из высокой литературы.

– Так вот. В аппарат можно зарядить специальную пленку. Затем, сделав снимок, фотограф открывает вот это окошечко и пишет нужную ему информацию. Например, место съемки, дату или какие-то технические детали. После этого необходимо подставить это окошко под солнечный свет и написанное фотографическим методом перенесется на негатив. Не на сам снимок, а как раз между кадрами, очень удобно.

Гаринов слушал очень внимательно и лишь согласно кивал.

– Еще я взял с собой несколько катушек пленки и малый набор для проявки, – указал я на чемоданчик.

– По-доброму завидую тебе, американец, – абсолютно по-дружески, сказал мне Юра. – Ладно, собирай технику обратно и садись. Поедем дальше.

Меня немного отпустило: на душе стало легче, лес уже не казался таким страшным. Машина весело урчала, неся нас по лесному коридору.

– Ну что, Митя, познакомился с нашими местами? Дикая животные тут не редкость. Надо просто смотреть в оба, – Юра снова мне подмигнул. – Ты же не собираешься сам гулять в лесу? Надолго кстати в Чернолесье?

– Еще не знаю. Мне надо...осмотреться. И найти ночлег.

– Чего-нибудь придумаем, – неунывающий Юра заложил довольно лихой вираж, и мы с фотоаппаратом съехали к двери.

Машина свернула снова с основной дороги и окружение переменялось. По крайней мере у меня создалось эдакое ощущение смены декораций. Лес вокруг словно увеличился. Или мы уменьшились. Стало гораздо темнее. Сама дорога почти не наблюдалась, большим ориентиром пути была просека, сквозь которую двигался автомобиль. Вся надежда была на Юру и его уверенный вид дарил мне хоть какую-то уверенность. Хотя, если быть честным, пару раз я ловил себя на мысли- куда же мы все-таки приедем? И еще –как потом отсюда уехать?

Перед взором выплывали все новые и новые пейзажи, комбинации из живой и уже отжившей растительности, которые лес мог генерировать бесконечно. Но вот густота чащи начала таять, впереди на дороге показалась огромная лужа. Юра уверенно переключил скорость, и машина рыча взяла эту преграду, шурша водой под днищем. Лес немного поредел, земля стала более вытопанной. Деревья скрадывали свет солнца, и я не сразу различил, что вдоль этого пролеска или опушки, находятся дома. Угрюмые деревянные строения были разбросаны без малейшего порядка. Двор ближайшего ко мне дома порос травой, валялись какие-то бревна. Около другой избы забор был почти повален на землю, в сторону дороги, словно частокол в земляной крепости. Ни один огонек не оживлял темные глазницы окон. Где-то резко закричала птица.

От всей этой картины веяло мрачностью и холодом. В литературе я встречал определение «гиблое место». Наверное, это какая-то заброшенная деревня. Автомобиль дарил чувство личного убежища, возможность немного отгородиться от этого неприятного и гнетущего места. Скорее бы его миновать. Картинка за окном начала замедлять свое движение – машина сбавила ход. Опять поломка?

– Ну что Митя, – Юра повернул ко мне голову и как-то хитро улыбнулся, – милости прошу в Чернолесье.

Глава 3. Историческая родина

Ну, а с другой стороны, было глупо ожидать увидеть Бродвей. Словно опытный гид, Юра медленно подвез меня к одному из домов, дав сполна насладиться окрестностями.

– Давай, Мить, вылазь, – моторный Юра, едва остановившись, выпрыгнул из машины. – Сейчас тебя пристрою и понесусь дальше. Как говорится: нас ждут великие дела.

Не дожидаясь меня, он зашел в дом. Где-то вдалеке ухнула очередная птица.

Я впервые был в полностью деревянном доме. Его здесь еще называют срубом. Внутри маленькая комнатка, которой бревенчатые стены придавали уют. Из этого помещения еще был выход, завешанный шторой. У стены стояла массивная печь. Весь интерьер жилища, помимо печи, составлял стоящий у окна стол, два простейших, но выглядевших очень добротными табурета. На стене висело несколько фотографий, возле которых, на полке, важно стоял массивный будильник. Около стола Юра разговаривал с мужчиной, суховатым старичком, с густой, но короткой бородой и старым картузом на голове.

– Да вот и он, Игнат Никитыч! – Гаринов указал на меня. – Митя, подходи не тушуйся, все свои. Вот, знакомься – Игнат Никитович, местный староста.

Мужик посмотрел на меня исподлобья, неуверенно кивнул и снова обратил взор к Юре.

– Ты иностранцу угол какой организуй, а мне пора уже, – Юра повернулся ко мне, снова одарив своим коронным подмигиванием. – Давай, Митя, удачи тебе тут. Будет возможность – проведу. Если что – ищи Егорыча, ну егеря того, что мы встретили. Он не даст тебе тут сгинуть.

Я с искренней благодарностью пожал протянутую мне руку. Трудно было представить, как бы все это организовалось без него. Юра вышел и забрал с собой большой кусок моей уверенности. Староста Игнат Никитович, стоял и как говорится, мялся, словно не зная, с чего начать.

– Послушайте, если есть какая-то цена за ночлег, то заплатить не проблема, – я подумал, что такие вопросы обычно гнетут людей, оказывающих услуги. – Вы только скажите.

– Да ну... Потом разберемся... Идем в избу проведу, – отрывисто пробурчал староста, отмахиваясь рукой, словно резал ей невидимый хлеб.

С улицы донесся звук уезжающей машины. Солнце уже начинало садиться и темнело довольно быстро.

Пока шли, старик держался немного впереди меня, по сторонам не смотрел. При каждом шаге его тело словно вздрагивало. Я все еще чувствовал себя словно был не в лесу, а у кого-то в гостях, когда заходишь аккуратно наступая, смотря по сторонам и не решаешься никуда присесть.

Мы подошли к одиноко стоящей избе. Забора не было, лишь несколько палок были воткнуты в землю. Двор сильно порос травой. Само строение выглядело старым, с посиневшими бревнами, немного покосившемся крыльцом. Единственное, что бросилось мне в глаза – резной орнамент на окнах. Наличники, кажется, их называют. Никаких замков на двери не было, если не считать загнутого гвоздя.

Внутри было немного затхло и мрачно. Небольшое, размером с энциклопедию, окошко, завешенное тканью. Снова печь у дальней стены, стол, табурет и еще какое-то примитивное деревянное ложе, нечто среднее между лавкой и кроватью. Я сдернул ткань с окна, впусив еще света. В его лучах тут же заплясали, словно разбуженные, пылинки. Свет открыл мне несколько дополнительных деталей: ножки табурета, боковая часть лежанки, какая дощечка на печи – все были украшены затейливой резьбой. На той же печи стояла еще деревянная кружка.

– Если надо будут дрова, то обращайтесь, – Игнат Никитович почему-то прятал взгляд, словно стеснялся меня, как будто я прибыл с какой-то инспекцией.

– Спасибо большое, – я улыбнулся, стараясь хоть немного снизить его напряжение. – Если что – сразу к вам.

Мужик снова неуверенно покивал и быстро покинул помещение. Чуть ли не выбежал. Хотя, возможно, просто не привык к общению с незнакомцами. В такой-то глуши.

На улице уже было довольно темно, да и, честно говоря, груз всех впечатлений давил на меня. Пора было приготовить ночлег. Поставив свой кофр на кровать, я не без самолюбования доставал его содержимое. Перед поездкой было проштудировано приличное количество статей в Нешнл Джеографик о путешествиях. Я внял советам по поводу экипировки, долго консультировался с продавцами, объясняя им детали места, куда направляюсь. Вот у меня лампа Коулмена, отличная вещь. Очень яркая, потребляет мало керосина и долго горит. Но помимо нее, я взял еще десяток обычных свечей. Спальный мешок новейшей разработки, с гусиным пухом. Продавец сказал, что в таких спят путешественники в северных частях света. Консервы, включающие в себя супы, мясо, фрукты. Дня на три точно хватит и их можно взять с собой в лес. Не смог удержаться и взял с собой книгу, хотя все советы кричат о том, что лишний вес недопустим. Но разве может быть лишним весом то, что сможет быть вашим товарищем, который и историю интересную рассказать, и время помочь скоротать, и нервы утешить. Из банки ветчины и пары галет я соорудил себе немудреный ужин, запитый потом водой, ибо кипятить чай мне было уже лень, хотя горячего хотелось.

Сняв верхнюю одежду, я расстелил мешок на кровати, залез вовнутрь и дополнительно укрыл себя курткой. Немного почитал и, не забыв потушить лампу, уснул.

Меня разбудила вибрация. Изба дрожала, словно рядом проезжал огромный грузовик. В комнате было все также темно. Нашупав рукой спички, я озарил светом свечи помещение. Все выглядело безмятежным, но вибрация не прекращалась. На улице было холодно, и я пожалел, что не накинул куртку. Свеча ничего толком не освещала, но даже в сапогах чувствовалась дрожь. Землетрясение что ли? Бывают они в этой части света или нет? К своему стыду – я не знал. Вибрация внезапно исчезла. Я покрутил головой – вдруг еще кого-то привлекло это явление или здесь это не впервые? Слишком много вопросов, надо будет разузнать. В темных стенах леса был замечен свет. Похоже окно в какой-то избе вдалеке. Вот туда стоит наведаться завтра. Раз хозяин не спит, то наверняка испытал тоже что и я. Уже в спину мне прилетел жуткий вопль. Крик был нечеловеческий, невозможно было представить почему человек мог бы так закричать. Может это какой-то незнакомый мне зверь? Но какой способен на такие звуки? Я даже не сразу осознал, что стою, замерев на месте. С каким удовольствием я залез в мешок с головой. Входную дверь подпер столом.

Холодное русское утро было неприветливым. Солнце не выглядывало, не сразу было возможно определить – утро на улице или вечер. Остатки воды ушли на приготовление кофе. Не зря же туристическую печь тащил.

И так, что по плану: восполнить запас воды; опросить жителей по поводу ночных землетрясений; найти Дениса Егоровича, попросить помощи в поиске животных. Остальное уже по ходу дела. Фотоаппарат, пожалуй, спрячу куда-нибудь...да хоть в печку.

Колодца во дворе я не нашел. Какой-то навес и старая лавка были единственными предметами на территории. Беспокоить нервного старосту не хотелось. Умывшись остатками воды, я начал исполнять свой план.

Улица являла собой дорогу, с разбросанными вдоль нее редкими избами и пристройками к ним, что характерно – практически без заборов. Приобретшие коричнево-сероватый цвет бревна, уехавшие в разных плоскостях углы стен и крыш создавали иллюзию, что эти дома повырастали прямо из земли, словно диковинные грибы. Недолго думая, я направился к ближайшим соседям – избе похожей на мою, стоявшую метрах в двухстах. Важным отличием

была протоптанная ко входу тропинка, отсутствие бурьянов на пороге. Я всегда представлял себе деревенских жителей эдакими тихими, неразговорчивыми, стесняющимися своей простоты человечками, которые все время в заботах, загружены хозяйственными делами и времени на всякие перипетии и жизненные интриги у них просто не остается. Их жизнь монотонна и очень однообразна. Но именно после знакомства с обитателями этой избы я понял, что жизнь намного сложнее и глубже, чем кажется. И это было только начало.

На полпути к моей цели откуда-то из лесу раздался истошный вопль:

– Я снова видел!

Резво, перескакивая кочки и раздвигая руками ветки поросли, из лесу быстро двигалась худая фигура в светлой рубахе. Судя по всему, конечная цель у нас с ней была одна и та же. Я как раз приблизился ко входу в избу и смог разглядеть неожиданного нарушителя тишины. Это был молодой парень, лет двадцати, с густой копной русых волос. Его голубые глаза просто светились от счастья, улыбка на лице была такая искренняя словно он увидел какое-то чудо. Наверное, увиденное было чем-то очень впечатляющим, ибо он был в одной лишь рубахе, штанах из грубой ткани и старых стоптанных сапогах, а на улице осенняя сырость уже начала ощупывать все открытые части тела. Я было открыл рот для приветствия, но счастливцев пронесся мимо меня, оставив наблюдать, как светлая рубаха и копна волос скрылись где-то за домом. Видимо, подхватив немного эйфории, я последовал за ним. Во дворе оказался еще небольшой сарай, закрытый со стороны улицы избой. Возле него стояло несколько старых ведер, валялись перья, что-то похожее на мех. Поодаль от сарая, меж двумя вкопанными горбылями была натянута веревка, на которой висело около десятка разнокалиберных рыбёшек. Юноша уже успел скрыться за дощатой дверью, а войти я не решался. Стоит, я думаю, постучаться.

Но и этому начинанию не суждено было сбыться. И снова оно было прервано криком.

– Тимоха, ирод ты эдакий!

В мою сторону, немного по-утиному переваливаясь с боку на бок, торопливо шагала женщина. Похоже, его мать. Одета в какую-то кофту, перепоясанная темного цвета шалью, старый платок на голове – все это вызвало во мне некое незаслуженное чувство стыда, что я хожу тут таким вот франтом. Грубая рабочая рука держала старое ведро, в котором что-то бурело.

– Доброе утро, – мне стоило объясниться, что я делаю около ее, судя по всему, дома. – Я тут хотел у вас спросить кое-что...

– Комиссар? – женщина прервала меня, ощупывая взглядом. Я видел, что она не решается налететь на меня, но также понимал, что ей просто очень хочется выгнать меня куда-то. Я лихорадочно вспоминал, что означает это звание или должность.

– Комиссар? Вы имеете ввиду военный? Нет, я не имею к армии никакого отношения.

Но женщина лишь сильнее напряглась:

– Доктор?

Боязнь доктора удивила меня еще сильнее:

– Нет. Я вообще из другой страны приехал. Временно у вас в деревне. Меня зовут Митт. Митт Корнев. Из русских эмигрантов, – добавил я, в надежде, что это может ее успокоить. – Я турист. Ну то есть путешественник.

Лицо моей собеседницы расслабилось, плечи опустились, словно она стравила из себя лишнее давление. Даже взгляд стал мягче, но все еще настороженный.

– Вот оно как. А я смотрю – кацавейка кожаная, ну думаю эти пришли...

Я понимающе улыбнулся. Хотя не понял ничего.

– А где можно набрать воды? – и показал опустевшую флягу.

– Дальше по улице шагай, колодец увидишь. Или в лесу ручей есть. Только заблудишься, наверное.

Тут дверь сарая открылась, явив Тимоху.

– Мам, мам я видел, видел! – захлебывался он радостным волнением.

Женщина вздохнула, повесила ведро ла локоть и критически осмотрела сына:

– Снова весь изгвоздался?

Тут я заметил, что руки юноши были перепачканы чем-то зеленым.

– Сто раз тебе талдычила, вдягай тужурку и шапку, не лето на дворе. Застудисся, потом отпаивай тебя, – продолжала любовно ворчать его мать, поправляя складки на его рубашке. Речь ее звучала с каким-то мягким акцентом, иногда с незнакомыми словами и ударениями. – Вон принЕсла пару тетеревов. ОdnОго засолим, дрУтого сегодня сгношу тебе на вечер.

Присмотревшись к ведру на ее руке, я понял, что бурый цвет его стенкам придавала кровь, а на дне темнели тушки птицы.

– Спасибо за помощь, – мне стало немного неловко присутствовать при семейных делах. – Я, пожалуй, пойду. О, кстати! – как же я мог забыть такое событие, – вы не ощущали ночью вибрацию?

Женщина вопросительно посмотрела на меня.

– Ну я имею ввиду толчки подземные. Земля тряслась и стены... – как человеку, учившему язык, а не впитавшему, мне было проще объясняться на литературном, более официальном наречии, чем на разговорном. А в этом месте эта разница, наверняка, ощущается особенно.

– Всяко бывает. Не нашего ума дело. Там, колодец, там, – словно выпроваживая меня, замахала она рукой и отвернулась.

Эта местная запуганность и кротость доставляла мне больше всего хлопот. Даже не пообщаешься, ощущение, что все чего-то боятся, слова даже лишнего не скажут. Словно кто-то постоянно их слушает.

– Пока, Тимоха! – я махнул стоявшему возле сарая парню. Тот расплылся в улыбке и замахал мне в ответ.

– Ходи, ходи домой, – буркнула тетка, подталкивая его к избе. Уходя она бросила на меня еще один вопросительный взгляд.

Пускай немного шероховатое, но первое личное знакомство здесь подогрело мой азарт. Я бодро зашагал дальше по своей улице, возможно единственной в Чернолесье. Черт, забыл про егеря спросить, но возвращаться к матери Тимохи мне не хотелось. Вдоль улицы, шагах в ста не более, был лес, словно стена, за которой находилось свое царство. Впереди замаячил колодец, накрытый крышей, идеально вписывающей его в ландшафт и общий стиль деревни. Когда я приблизился к нему, то боковым зрением заметил движение в роще. От колодца прямо в лес вела тропа, узенькая, но вполне различимая. На ней, среди листьев, можно было увидеть силуэт, с ведром.

– Эй! Извините! Окажите любезность! – окликнул я фигуру, одетую в длинное серое пальто. Его обладатель обернулся. Это был мужчина лет пятидесяти, как я догадался по морщинам, и первое, что бросилось мне в глаза – он был гладко выбрит. Не заросший щетиной, а именно выбрит. И причёска его не напоминала ворох соломы на голове, по той причине, что волос то и не было. Немного вытянутое, с острыми скулами и утонченным носом лицо отдавало бледностью. Совсем не высеченное атмосферой, как у сельских жителей, имеющих либо медно-красный, либо землистый цвет лица. Мужчина бросил на меня очень резкий взгляд, словно я застал его за каким-то тайным занятием. Попробуем быть попроще:

– Дениса Егоровича не видали? Мне бы с ним переговорить надобно, – выдал я, как мне казалось, идеально стилизованную под данную местность, фразу. Не помогло. Бледнолицый быстрым движением развернулся и шурша скрылся в лесу.

– Подождите пожалуйста! Я не комиссар! – я машинально последовал за ним. Преодолев расстояние от дороги до границы с чащей я с несвойственной мне уверенностью вломился в лес, грубо и непочтительно. За что и был в последствии наказан.

Глава 4. Опыт, сын ошибок трудных

Со всех сторон, словно руки толпы, ждавшей своего кумира, ко мне тянулись ветки. Я изворачивался как мог, протискивался боком, пригибался, стараясь не потерять скорость. Впереди что-то мелькало, в моих глазах это был убегающий незнакомец. Уже променявшие ветви на холодную землю листья хрустели под ногами, и я не слышал ничего кроме них и своего прерывистого дыхания. Надо было мне при подготовке к поездке не только тяжелые энциклопедии таскать, но еще и гири. Смешивая это с пробежками вдоль трассы. Глядишь догнал бы старика с ведром воды. Я остановился, упер руки в колени и стал жадно вдыхать и выдыхать воздух, словно хотел исторгнуть из себя что-то. В висках стучало, но дыхание начинало понемногу успокаиваться. Я стоял, рассматривая траву под ногами, листья, какого-то жучка... Минуточку, а где же тропа? Я лихорадочно завертелся на месте. Вокруг был лес и с каждой из сторон он казался одинаковым и абсолютно незнакомым. Везде огромные деревья смешивались молодыми, густо рос кустарник. Ни единого намека на дорогу, просеку, никакого ориентира вроде холма или оврага. За время погони я ни разу не глянул вниз, двигаясь среди деревьев словно в коридоре, который, оказывается, совсем не соответствовал тропе. Поняв, что я заблудился, мой организм ввел инъекцию адреналина, который начисто стер у меня все охотничьи и туристические советы, первый из которых был – не паниковать. Я развернулся в сторону, с которой пришел (как мне казалось), и так же яростно бросился пробивать себе путь, ища глазами что-то знакомое. Вот поваленное дерево, было оно на пути? Не помню, хоть ты убей. Понесся дальше. Вот что-то вроде тропы или это просто свободная земля между деревьями так выглядит. Взгляд выхватил белку, смотрящую прямо на меня. Изучив меня взглядом, пушистый зверек укоризненно склонил голову и ускакал по веткам.

Мои петляния привели на поляну. А ее я точно не встречал. Не то, чтобы огромная, но довольно живописная, покрытая густой травой, в которой весело выглядывали из земли цветы. Действие паники уменьшалось, но ему на смену пришла жажда. А воды то не набрал! Я даже застонал от злости на самого себя. Хорош, конечно, покоритель русских лесов, нечего сказать.

Ладно, попробуем по порядку: успокоиться. Дыхание выровнялось, исчез стук в висках, вернулся слух. Лес легонько шуршал, посвистывал различными птичьими голосами, чем-то журчал... Журчание? Я прислушался и действительно мог расслышать что-то похожее. Ноги сами понесли меня на звук. Чем явнее становилось журчание, тем сильнее ускорялся темп моего движения и вот, среди деревьев что-то блеснуло. Наверное, это и был тот самый ручей, о котором говорила мать Тимохи, а значит, где-то недалеко должен быть путь назад в деревню. Утолив жажду и наполнив флягу, я снова зарядился энтузиазмом исследователя. Который почти сразу, словно ветер свечу, задул новый вопрос – двигаться по ручью вниз или вверх? Никаких подсказок лес не предоставил – по обе стороны окружение было одинаковым. Что ж, двигаться вниз звучит как-то неоптимистично и основываясь на этом, я двинулся вверх по течению воды. В таком уединенном месте не грех было и поразмышлять. Судя по настрою местного населения, мне либо нужен будет помощник, либо надеяться можно только на себя. Идеальная кандидатура – егерь Денис Егорович. Кто, как не он знает местный лес и наверняка что-то ведает про искомых мною животных, со светящимися глазами. Но вот эта нелюдимость местных жителей казалась чужеродной. Не то чтобы они были грубиянами и дикарями, это гораздо более походило на страх, словно есть что-то, о чем им не стоит говорить. Связано это как-то с вышеупомянутыми животными? Пока не знаю, но моя интуиция подсказывает, что связано.

Что-то зашуршало в густых кустах слева от меня. Весь организм окаменел, словно его специально заставили напрячься изо всех сил. Очень и очень аккуратно я шагнул к кусту. Инстинкт просто умолял вложить что-то в руку, что-то твердое и, желательно, тяжелое. Как назло, поблизости не валялось подходящей палки, единственным предметом была полная фляга. Еще один осторожный шаг. Рука с флягой поднялась повыше. Еще шаг... черт, хрустнуло что-то под ногами, снова нагнав на меня оцепенение. Тут из кустов донеслось то, что уж точно не ожидает услышать человек, ищущий помощи:

– Помогите. Если есть кто...

Хрипловатый голос не кричал и не взывал, просто говорил. Я ринулся в кусты и обнаружил лежащего в них человека. В первую секунду я даже не понял, что случилось: лицом к небу, на кусте с какими-то темными ягодами, лежал мужчина. Такой же серый и неприметный в плане одежды, как и остальные встреченные мной жители. Широкое мужественное лицо, довольно короткая, хоть и неаккуратная стрижка, такая же коротко стриженная борода и очень ясные глаза, будто внутри сидел кто-то очень молодой и жизнерадостный. В голове все еще витали истории профессора Честера и я было подумал, что этот субъект пьян. Приглядевшись, стало понятно – нет. На его лбу выступили капельки пота, как от огромного напряжения. Может сломал ногу. Взгляд заскользил вниз по его телу и тут стало понятно – ног у этого мужчины просто не было. Ниже колен начинались деревянные протезы, с идущими от них к поясу кожаными ремнями. Причем одна из этих «ног» каким-то образом отцепилась и лежала вывернутая в сторону. Меня застигло одновременно чувство смущения и оцепенения, как бывает, когда видишь инвалида и вместо того, чтобы помочь ему встать, я лишь открывал и закрывал рот, придумывая фразу.

– Споткнулся вот неудачно, – спокойно смотря на меня, констатировал свою ситуацию мужчина. – А тут еще куст мягкий сзади, оттолкнуться рукой не могу как следует. Поможешь мне встать?

– Конечно! – очнулся я. – Сейчас, давайте руку или как удобнее...

– Лучше обхвати меня за пояс, а то мои ноги не такие ловкие, как когда-то.

Я последовал совету, поднял мужчину и подставил свое плечо как опору. Помог ему подойти к ближайшему дереву.

– Вот и лопнул наконец-то ремешок, – грустно усмехнулся спасенный, глядя на свою отвязавшуюся левую ногу. – Ладно, сейчас хотя бы узлом прихвачу.

Приладив свою конечность обратно, он поднял на меня взгляд:

– Спасибо тебе.

И все. Ни одного лишнего слова. Я ненавижу свою стеснительность и отчаянно искал, как бы поддержать разговор. Опушенный взгляд упал на куртку.

– Я не военный, не комиссар, – я старался звучать максимально искренне.

Губы мужчины тронула легкая улыбка:

– Что, наряд твой, наверное, уже все обглядели. Сам знаешь «По одежке встречают...».

– Я... Я не местный. Хочу написать научную статью о животных. Которые есть только у вас.

Это сообщение очень заинтересовало моего собеседника, он прямо-таки оживился:

– Правда, что ли? Ну дела. Кого только не встретишь в лесу. Я ведь тоже как бы... Знаешь, что, мил человек, – мне очень понравилось это обращение. – Если ты поднимешь вон ту палку... – и указал рукой на куст, на котором еще недавно лежал, – и напротив нее еще одну такую палку, то мы сможем вернуться в дом и побеседовать.

Пока я поднимал с земли палки, оказавшиеся костылями, он снял с сучка плотно набитую кожаную сумку, которую я сразу и не заметил. С дополнительной опорой мой новый знакомый стал гораздо подвижнее и, если можно так выразиться, уверенно зашагал по лесу. Я последовал за ним, стараясь держаться рядом.

– А деревня далеко отсюда?

Мужчина повернул голову и в его глазах блеснули искорки:

– Ты чего, заблудился?

– Ну... Я просто гнался за одним человеком. И как-то вот получилось, что назад дорогу потерял... – я старался, чтобы мой голос звучал бесстрастно, словно обычное дело, бывает. Хотя внутри очень сильно переживал и смущался.

– Гнался? – собеседник не выказал испуга, гораздо больше любопытства. – Хорошо, что ты рассказал мне это после знакомства, а то бы точно принял тебя за этих... Занятный Вы, мил человек, ученый... А до деревни недалеко, сейчас воон туда двигаемся, к протопке.

Больше мы не разговаривали, пока не вернулись в деревню. Оказалось, ручей и в самом деле не так уж далеко, просто я умудрился убежать в другую сторону и кружить практически возле деревни. Когда мы вышли из чащи, то нелегко было сориентироваться, какая это часть деревни, но спутник, видя мое замешательство, сказал:

– Вон видишь изба стоит, к нам задом повернутая? Это нашего Игната Никитовича, головы деревенского.

Значит там дальше и мое временное жилище! Я просто не узнал место, куда меня привез Юра, так как видел его только с другой стороны. Мы же находились у небольшой избы, больше прямоугольной, чем квадратной формы, стоявшей практически в самом лесу, спрятанной от посторонних глаз. Во дворе не было ни сарая, ни забора, самого двора, по сути, тоже не было: лишь дом с маленьким крыльцом, возле которого удобно примостилась бочка с водой.

– Заходи, – мужчина ловко скакнул на крыльцо, отворил массивную деревянную дверь, приглашая войти.

Знакомые дощатые стены, стол, лавка и топчан. В глаза бросились развешенные на стенах полки, уставленные различными емкостями, как стеклянными, так и деревянными. В воздухе витал травяной запах. Стол был накрыт холщовой скатертью, на которой стоял самовар. Чувствовался уют.

Остальная часть жилища скрывалась за стенкой, с закрытой на замок дверью. Привычным движением, не глядя, хозяин повесил сумку на крюк, шумно выдохнул и сел на табурет:

– Вот теперь позвольте представиться. По-человечески... Корней Аристархович Костомаров. Местный житель.

– Митт Корнев. Не совсем местный.

– Это я уже понял, – спокойно сказал Костомаров и его взгляд не требовал, а подталкивал: «Ну давай же, рассказывай мне. Все будет хорошо». Не хотелось ему сопротивляться – рассказал о себе и о цели своего визита в Чернолесье.

– Занятно, – одними губами проговорил Корней Аристархович и его рука, видимо машинально, взяла карандаш, лежавший на столе. Я его даже сразу не заметил и немного удивился. Хотя дело было не в деревяшке с грифелем, а привычка вот так крутить его в руках.

– Что ж, уважаемый Митт, позвольте узнать... даже на «Вы» перешел, надо же, пробудилось... каковы Ваши мысли о моей профессии?

Я еще раз осмотрел убранство избы: около десятка стеклянных банок с жидкостями и какими-то порошками, несколько книг, свернутые в рулончики полоски ткани...

– Постойте, – меня осенило. – Вы – лекарь? Знахарь, да?

Легкая улыбка тронула лицо моего собеседника:

– Я – доктор. Так, по крайней мере, написали мне в дипломе, когда я окончил Петербургский медицинский университет. Хотя и ваши определения тоже мне подходят.

– А... Санкт-Петербург, да? – я не знал, как корректнее всего спросить, что врач из практически столицы забыл в Чернолесье. Но проницательность всегда присуща хорошему лекарю и Костомаров сам решил все объяснить:

– Да вы присаживайтесь, Митт, в ногах правды нет, – он указал рукой на топчан. – Слышали такую поговорку? Пошла, кстати, от пыток... Не возражаете, что я на «Вы»? Отвык, знаете ли, за столько лет от светского общения. Хотя манеры, конечно, та еще ширма, порой только мешает. И сразу попрошу извинить меня за словоблудие. Сами видите – здесь не так уж часто встретишь собеседника, особенно в последние годы. Думал, что мне уже это и не надо, а вот оно как.

Я попытался залезть на топчан, но у меня это сразу не получилось, он был высоковат. Уже нацелился было на вторую попытку, но был остановлен хозяином:

– Знаете, что, друг мой, давайте поступим иначе. Учтивость обязывает меня пригласить вас к столу. Вы что больше цените, форму или содержание?

Я лишь открыл рот, пытаясь понять этот внезапный вопрос и придумать на него ответ.

– Что-то меня понесло в высокосветскую беседу, еще раз извините меня. Постараюсь сказать просто и понятно, как, собственно, и нужно делать. У меня нет фарфора, хрусталя и камина с медвежьей шкурой, чтобы изобразить беседу двух джентльменов, сиречь формы. Но у меня есть отличный напиток, собственной рецептуры и кое-какие продукты, отличным образом к нему подходящие.

Костомаров встал и поковылял к двери в другую часть дома:

– Прошу Вас, располагайтесь за столом. Я сейчас вернусь.

Зашуршал ключ в замке, а я кажется начал соображать, к чему все движется. Доктор вскоре вернулся, держа в руках миску с грибами. Карман на куртке оттопыривался торчащей из него бутылкой. Выставив угощение на стол, он ловко взял с одной из полок две вилки и пару стаканов. Из недр другого кармана извлек что-то завернутое в ткань. Оказалось – засоленное мясо. Словно фокусник, он достал из-под куртки еще и нож, которым это мясо ловко нарезал тонкими ломтиками.

– Не удивляйтесь, друг мой. Я словно вечный путешественник – все самое необходимое ношу с собой. Чтоб не бегать по сто раз на кухню.

– Вы знаете, Корней Аристархович, я не употребляю алкоголь. Спасибо, конечно, за радушие.

– Бросьте, Митт, разве я похож на деревенского выпивоху? Хотя за все эти годы...

Костомаров плюхнулся на табурет, налил нам по полстакана красноватой жидкости, пододвинул к середине стола миску с грибами и заговорил:

– Вас, наверное, немного фраппирует... (заметил, как у меня наморщился лоб), я хочу сказать, удивляет, что в эдаком поселении кто-то предлагает пропустить пару стаканчиков за приятной беседой? Что ж, это вообще не редкость среди нашего народа, но поясню за себя. Вы слышали о синдроме случайного попутчика?

Я отрицательно помотал головой.

– Ну как же. Это когда вы едете вместе с человеком, зная, что после конечной остановки вы его никогда уже не увидите, равно как и он Вас. Это немного ослабляет ваш внутренний барьер, который присущ почти каждому человеку и давит на него. Ваш случайный попутчик – отличный момент, чтобы просто выговориться, не налаживая близких и доверительных отношений. Так вот, милостивый государь, как доктор я могу официально поставить себе диагноз – страдаю от внутреннего давления, мыслительного и словесного. Мыслительное еще можно попробовать стравить на бумагу, словесное увы опасаясь – сочтут за сумасшедшего. Вероятно, не зря. И вот провидение посылает мне того самого попутчика. Если Вы, конечно, не откажете мне в беседе.

– Почему бы и нет, Корней Аристархович, – я уселся поудобнее. – Может узнаю что-то интересное.

Снова задорный огонек вспыхнул в глазах доктора:

– Я уверен, что обязательно узнаете, мой юный друг. Давайте так: выпиваем за знакомство, я делаю вам краткий экскурс в историю моей жизни, а заодно и Чернолесья, как неотъемлемой его части. Идет?

Я кивнул, поднял стакан. Мы звонко чокнулись, в желудок потекло приятное тепло, отдававшее каким-то ягодным запахом. Следуя примеру доктора, я подцепил вилкой маринованный гриб и приготовился слушать.

Глава 5. Короткий день и длинный вечер

Костомаров был врач династический. Отец его, Аристарх Модестович, был светилом на медицинском небосводе Петербурга, имел статус, уважение и деньги. Когда его первенец стал достигать возраста пригодного к обучению профессии, то ее выбор был коротким. Парень выучился, стал осторожно шагать по дороге самостоятельной жизни, имел планы.

Однако, Российская Империя тоже имела свои планы, и они различались с планами юного Корнея Аристарховича. В гостиной все чаще мужские голоса обсуждали шаткое положение России на политической арене, нерешительность царя, неизбежные последствия всего вышеперечисленного. Чем больше тень от нового, двадцатого века ложилась на Империю, тем дольше становились разговоры, гуще дым сигар и больше пустых бутылок дорогого коньяка. Как ни парадоксально, все эти умные люди, бывавшие в гостиной Костомаровых, предусмотрели все правильно, что касалось слабости страны и смелых времен, но все также уповали на высшую божественную или государственную силу, не сделав особых шагов для своей подстраховки.

Холодным, противным дождем вылилась на Петербург революция. Смыла все, что видела, не разбирая на хорошее и плохое. Не у всех было надежное убежище от такого ливня, очень многие промокли, замерзли и тяжело болели от этого дождя. Многие умерли, не выдержав такой атмосферы. Костомаров-старший пытался уехать, но не успел – сдал кто-то из бывших клиентов. Отец моего собеседника не был трусом. Не боялся лечить любых раненых, не боялся высказывать свою позицию.

Однажды в их квартиру пришла комиссия, состоявшая из двух человек. Осмотрев помещения, они заявили, что для семьи врача их слишком много, часть они экспроприируют и отдадут нуждающимся гражданам. Хозяин квартиры побелел, но смолчал. Затем один из комиссаров бесцеремонно открыл платяной шкаф, пощупал рукой висевшее там пальто и хмыкнув сказал, что одного хозяину вполне хватит, а все другое опять же нуждающимся сынам революции. Костомаров-старший сделал шаг навстречу этому представителю власти, но тот решил упиться ей до конца, пренебрежительно пощупав грязными пальцами бархатный домашний пиджак мужчины. Упивался властью недолго – захлебнулся. Аристарх Модестович был хирургом, руки имел сильные. Наглеца он уложил одним ударом в скулу. Второй член комиссии кинулся на помощь коллеге вступив ближний бой. Однако и он был перемещен на пол несколькими ударами. Раздался свисток, ворвались дружинники, дежурившие в подъезде, накинулись на мужчину. Тем временем нокаутированный первым пролетарий кое-как поднялся и всадил доктору в спину заточку. Обижать этих самых пролетариев оказалось опасно.

Комнаты все-таки отобрали. Юному Корнею пришлось резко взрослеть как личности и как врачу. Суровые, кумачового цвета, будни превратили начинающего, узкоспециализированного специалиста, принимающего только по записи, в матерого фельдшера-универсала, который в один день мог провести несколько простых операций, осмотреть пару дюжин людей, да быть вызванным среди ночи на какой-то военный пост. Душу Костомарова делили между собой две стихии: одна – черная и затмевающая все ненависть к человеку, как к безжалостному существу, не жалеющим никого и ничего ради своих интересов. Эта черная бездна манила прыгнуть в нее и забыть обо всем, что окружает. Вторая же нежным светом освещала собой нуждающихся в помощи, щемила душу, упрашивая не сдаваться. На таком вот топливе Корней Аристархович плыл в бушующем еще мире революции.

Приплыл как-то в эти лесные края: новая власть не забывала про природные богатства, присылая к ним своих людей. Край к новичкам суровый, без врача никак. Костомарову было все равно куда, очерстевшая душа утратила чувство привязанности к чему-либо. Но лес не прощает безразличности и решил проверить своего нового гостя. Однажды доктор решил поис-

коть уединения в чаще. Была зима, густые рощи выглядели декорациями из сказок. Самоуверенность и безразличие оказались гремучей смесью: вечером Корней Аристархович вышел на местное озеро и беспечно зашагал по его берегу. В каком-то месте из-под берега бил родник и лед был тонок. Вода по пояс проглотила человека, но что еще хуже – была сильно вывихнута ступня. Пока Костомаров выбрался, пока дополз кое-как до лагеря по лютому холоду, случилось непоправимое – ноги были обморожены, начиналось омертвление тканей. Возможно, где-то, в хорошо оборудованной больнице, опытный врач и смог бы спасти конечности, но в этом медвежьем углу Костомаров сам был единственным доктором. И в этот момент его холодное безразличие пришло на пользу: он объяснил рабочему, как и в каком месте нужно пилить, сам наложил жгуты, принял наркоз и отключился.

Восстановление было тяжелым как физически, так и морально. Благодарные пациенты, местные работяги, помогали как могли: едой, уходом. Предложили уехать обратно в Питер или куда-то еще, да только никто там не ждал калеку, который в те годы стал бы жуткой обузой. Письмо, однако, руководству написали – нужен же был новый врач. Начальство предложило Костомарову преподавание. Не согласился, не чувствовал в себе такого настроения, а внушать своим видом плохой настрой студентам не хотел. И тут помогли ему вылеченные им люди. Отвезли в глухую деревеньку Чернолесье, такая что и на карте с трудом сыщешь. Договорились за жилье, отдали сумку с инструментами и медикаментами, начальству обещали сообщить что сгинул где-то в лесу, не выдержал тяжести инвалидства.

– Честно говоря, мне просто не хотелось умирать где-то под деревом. Лучше уж в каком-то доме, пускай даже наложить на себя руки. Аристократическое воспитание, что тут скажешь, – доктор вернул уровень жидкости в стаканах на начальную отметку. – Но вот привезли сюда, в эту самую избу, дали поесть, молитву даже кажется читал кто-то... Если честно смутновато помню эти периоды. И вот как-то сижу я возле окна, весь пораженный меланхолией – даже не понимаю, на что я там смотрю – ко мне из этого окна обращаются. Женщина, вся платках, бубнит что-то. До слуха долетает только слово «врачеватель». Замечаю возле этой дамы маленькую девочку и взгляд сам выхватывает знакомые приметы, правильнее говоря – симптомы. Зеленоватая кожа, испарина на лбу, стоит покачиваясь. Расспрашиваю, убеждаюсь в правоте – отравление. Порылся в своем саквояже – а набор у меня за годы государственной службы был на все случаи жизни – сделал девочке промывание. Мамаше дал указания, как плавно вернуть ее к режиму питания, – Костомаров замолчал, глядя куда-то сквозь меня, словно проверяя, что там дальше идет в воспоминаниях.

– Этот случай сделал вас известным?

– Да, друг мой. В таких краях, замолвленное словечко работает не хуже статьи в «Вечернем Петербурге». Но самое главное, – доктор наклонился ко мне поближе, – в момент, когда я отпустил мамашу с дочкой восвояси, я словно ожил! Разом пропала меланхолия, заструилась энергия по всему телу. Может, этот прием всколыхнул какие-то мои старые воспоминания, когда я еще принимал у себя на Басманной.

Корней Аристархович вернулся обратно, прислонившись спиной к стене. Взял вилкой кусочек мяса:

– Я осознал, что очень в этом нуждаюсь. Может, звучит напыщенно – но призвание есть призвание. Люд потянулся ко мне. С какой благодарностью я вспоминал некоторых своих преподавателей, людей старой школы, которые не отрецивались от народной медицины, а лишь объясняли некоторые ее эффекты с научной точки зрения. Кроме того, у меня всегда была тяга к фармацевтике, многоумный папенька правда убедил, что лучше получить практическую специализацию, а знание химии будет огромным дополнением. В лесу нашлось почти все что необходимо, для приготовления отваров, мазей, капель. Было чем заняться. Профессия не дала мне умереть от голода. Местный столяр сделал мне вот эти замечательные ноги. Другого умелого пациента я попросил помочь мне с лабораторной оснасткой.

Увидев мой удивленный взгляд, усмехнулся:

– Я вам ее покажу чуть попозже. Одни помогали мне с приготовлением пищи, другие – с заготовкой дров. Я и сам, конечно, сиднем не сидел. Старался справляться. Какова ирония – будучи здоровым, я был довольно ленив.

– Вы не боитесь ходить в лес один? Там и так нелегко двигаться, а вам... – я запнулся, стараясь обойти острый угол инвалидности в беседе.

– Тут немножко другое дело, Митт, – мужчина снял свою куртку и повесил на битый в стену гвоздь. Я последовал его примеру и затем мы снова выпили. – Урожденный местными лесами человек, конечно, немного сведущ в различных растениях и их воздействии на организм. Эдакая базовая деревенская фармакология, вроде отваров ромашки от живота и клюква от простуды. Я же вооружен немного более обширными понятиями и технологиями. Что сварить, что процедить, а что настоять. Сумел достать еще несколько книг. Учиться никогда не поздно, вы уж поверьте. Пока что я владею преимуществом – своими знаниями. Местные жители были, конечно, не образованы, но не дурны. Ходи со мной кто-то из них – обязательно бы заприметил, что и когда я собираю, а это уже немало. Я и так внутренние ставни там, – махнул рукой на закрытую дверь, – сделал, чтоб не подглядывали, при лампе работаю.

Вот в этом году уже десять лет будет моему пребыванию в этом чудном месте. Оживленностью здешние улицы, точнее сказать, улица, Невский проспект никогда не напоминала, но народа было поболее, еще даже до революции. Верующие, скрывающиеся от погромов. Даже старообрядцы были, если не ошибаюсь. Крестьяне, которых тоже можно отнести к категории верующих, ищущие тихое место, чтобы работать на себя. Хотя название имеется, председателя кто-то же выбирал, но о нем, о Чернолесье, скорее знают как о полнейшем отшибе, эдаком островке отшельников, если позволите такой оксюморон. Не смотрите, что изб совсем мало. Многие старались селиться уединенно, где-то в лесу, не на виду, в общем. Кто уехал или помер – избу разбирали. Не все приживались. Кого сманили заработками на нефтяных промыслах, которые тут недалеко. Кто детей в города отправил. Новая система начала понемногу затягивать собой пространство, даже сюда долетали слухи о городах и заводах. Но была и еще одна причина.

Я почувствовал, что мы наконец добрались до самых интересных для меня фактов. Записывать? «Нет», – ответило расслабленное застольем сознание и заблокировало управление моими конечностями. – «Запомнишь основное, потом запишем все своими словами». Костомаров же напротив, немного оживился, тема явно была ему не безынтересна:

– Несколько лет назад, года три не менее, я думаю, или около того, стали появляться слухи о необычных животных. Ведь местного человека не удивишь диким зверем и необычностью он считает либо внешний вид, либо поведение.

– Кабаны со святающимися глазами? – внутри у меня все затрепетало.

– Не только, мой друг. Были еще волки, – Костомаров выжидающе посмотрел на меня.

– Во... Волки? – залепетал я, обдумывая услышанное. Вепрь казался мне менее опасным животным. Точнее говоря – более предсказуемым. Сфотографировать злого волка с яростным взглядом – задача уже усложненная. – Они... напали на людей?

Ироничная усмешка доктора указывала, что мою реакцию он предугадал верно.

– Бывало. При этом их поведение было совсем не похоже на свойственное каждому из созданий. Судите сами: эти хищники редко охотятся в одиночку. Еще реже нападают на людей. И совсем неожиданно если зверь преследует тебя до дома, а затем – он просто уходит. Такое же поведение демонстрировал и вепрь. Словно... – Корней Аристархович замолчал и задумался.

Наверное, Костомаров слишком уж истосковался по общению и перебарщивал с театральными эффектами. Я и сам лихорадочно строил догадки, но было видно, что у доктора тоже есть версия.

– Словно что-то охраняют, – тихо вымолвил мой собеседник.

– Охраняют? Но что? Точнее, как или... – эта версия спутала мои мысли.

– Не знаю, друг мой, не знаю, но спугнули они немало людей.

– Никто не пытался их подстрелить? Все-таки лесные жители.

– Сначала пробовали капканы. Но потом их находили раскрытыми и изогнутыми, если вообще находили. Достать огнестрельное оружие не так просто, как представляется, особенно в данной местности. Оно ведь стоит денег и на весы кладется его необходимость против вложений. Некоторые, стволы не брали из убеждений, другие взяли бы да прошел слух, что крестьянству постановляют оружие сдать. Может у кого в сарае и можно найти, да светиться страшно-вато было, – доктор развел руками. – Оставили ружье только Звереву. Денис Егорович который. Местный егерь, ему вроде как положено.

Я сообщил, что уже познакомился с ним, причем одновременно и с вепрем. Также пожаловался на нежелание охотника беседовать на их тему.

– Может из-за гонора, – задумчиво почесал бороду Костомаров. – К нему, разумеется, обратились сразу же, когда эта дичь явила себя. Зверев ушел в лес, вернулся ни с чем. Говорил, что попадание пуль не смогли остановить животных. Он, в принципе, не набожен и такая необъяснимая неудача, видимо, его смутила. Возможно, в этом кроется его нежелание это обсуждать. Кроме того, сей субъект стал довольно нелюдимым по семейным обстоятельствам... В общем, в деревне сейчас не живет, пропадает где-то в глубине леса.

Это меня немного озадачило. Надеюсь, помня о моем добром ангеле Юре, он мне не откажет в помощи, но наверняка ему не очень хочется, чтобы молодой человек, пацан, показывал тут какой он умный и не дай бог увидит что-то, чего не заметил его наметанный глаз и охотничье чутье.

Бутылка была опустошена, тело было приятно расслаблено, не хотелось держать много мыслей в голове:

– К остальным жителям можно даже не подходить с моим вопросом?

– Судите сами, друг мой: тут вместе со мной осталось еще четыре человека. Да-да, всего четыре. Сюда, конечно, заходят иногда люди из других поселений, в основном ко мне, не буду скромничать.

– Я не сомневаюсь, что вы очень хороший доктор, – искренне похвалил я его.

– Это верно, но... – Костомаров смутился и посмотрел в пол. – Моя уже упомянутая любовь к химии позволяет мне производить не только лекарственные продукты но и... пищевые. Причем особого вкуса, так сказать, авторские.

Я не понял и попросить объяснить, на что доктор хитро улыбнулся, назвал меня чистой заморской душой и обещал рассказать все попозже. Вместо этого продолжил про жителей:

– Из-за всех этих свистоплясок с животными, местный лес обрел славу чуть ли сказочного, в котором Баба Яга живет, леший и эти красноглазые иже с ними. Еще молнии стали чаще бывать. Я, как человек учёный, ничего странного в этом не вижу, природе видней как поступать со своими силами. Но местные тут же связали оба события, которые мгновенно обросли устрашающими деталями, вроде появления этих чудищ на кладбищах, невесть откуда взявшиеся курганы, жуткие крики. В этом, я думаю, и причина очень редкого появления здесь гостей. И так никто не рвался сюда жить, так и те, что были решили отойти подальше. Остались же тут, помимо меня, еще Галина Ивановна Наседкина. И сын ее – Тимофей.

Я кивнул и сообщил, что их я уже тоже знаю.

Костомаров уважительно хмыкнул:

– Да вы общительный молодой человек, как я погляжу. Осмелюсь предположить, она вам показалась резкой и грубой, но у ее сына что-то с рассудком, как мне кажется. Хотя в данной области я не специалист. Если диагноз верен, то ее щетинистость к окружающим объяснима постоянным нервным напряжением. В целом, нормальная женщина, по местным меркам,

которые превозносят прежде всего силу характера и трудолюбие. Полагаю, Игнат Никитовича, бывшего местного старосту, вы повидали?

Согласный кивок.

– Ничего особого про него скажу. Живет тихо, вопросы какие-то решал в свое время, ничего связанного с ним я не слышал. Итак, остался один житель, но любопытный, – врач заглянул в миску и удостоверившись, что грибы съедены, продолжил. – Некий господин Хуртинский, Владислав Георгиевич. Его-то Вы навряд ли видели, слишком уж редкое явление. Такой, аристократичного вида господин, белолиц, волосистой покров на голове отсутствует...

Со смущением, я признался, что и этот житель не ускользнул от моего взгляда, но смог сбежать. Смущение было вызвано внутренним конфликтом между гордостью за похвалу и стыдом, напоминающим, что все это произошло совершенно случайно и полезности мне не принесло.

– Его поведение неудивительно. Для местных, разумеется. Сей господин абсолютно нелюдим, даже зол и яростен. Может это нервные припадки, но, повторюсь, не моя область врачевания. Ко мне он не обращался ни по какому поводу. На улице его не увидишь, он специально выходит в лес или куда-то еще стараясь остаться незамеченным. А тут вы, мой друг, да еще в таком наряде, зовете его.

Мы оба задумчиво помолчали.

– В общем так, уважаемый Митт, – Костомаров хлопнул себя по колену, – не знаю, что или кто проснулся в этом никчемном туловище, но он желал бы поучаствовать в ваших изысканиях. Рассчитывать на помощь вам, по сути, не на кого. Кроме вашего покорного слуги, конечно. Я в большей степени могу быть вашим тылом. Говоря военным языком, обеспечить ваше проживание, помочь в каком-либо местном или медицинском вопросе.

Мои слова о том, что я целиком приветствую эту идею, доктор остановил, подняв ладонь:

– На награды и славу не претендую. Да и к чему они мне.

Последняя фраза была сказана нарочито небрежным тоном, и я подумал, что все-таки общественное признание для него не совсем пустой звук.

– Не премину воспользоваться вашим предложением, – старательно, с усилием вспоминая старые обороты, выговорил я и добавил. – Господин доктор.

Господин доктор поморщился:

– Давайте пока отложим официоз. Как там давеча Вы меня величали? Док? Ну что ж, для высшего общества может и не звучно, зато кратко и удобно. Так меня впредь и зовите.

– С удовольствием, док. Но нам ведь все равно понадобится помощь егеря? Наверное...

Тот нахмурился и пожевал нижнюю губу:

– Возможно-возможно. Давайте условимся так: Вы, мой друг, сходите к нашему голове, порасспросите за Зверева, может что дельного подскажет. Он, кстати, и является последним из упомянутой мною четверки местных жителей. Я же тем временем попробую систематизировать всю информацию об этих животных. Встретимся с вами ближе к вечеру. У вас же есть часы? Замечательно.

Мы попрощались, пожав друг другу руки. Ноги резво несли мое словно сильно полегчавшее тело в сторону видневшихся изб. Напиток Корнея Аристарховича совершенно не утяжелил ни разум, ни конечности, разве что разогрел, и я расстегнул куртку. В таком молодецком настроении расстояние преодолевалось легко, энергия буквально рвалась наружу. Где тут леса дремучие? Подать их мне!

Местный голова (аж над четырьмя душами) Игнат Никитович возился во дворе. Я спросил о возможности встретиться с егерем, на что мужик ответил, дескать Денис Егорович сам меня искал, совсем недавно. Никитович отправил его в мое временное пристанище. Поблагодарив, я двинулся вслед за егерем, чувствуя, что председатель смотрит мне в спину.

Охотника я завидел издали, прямо у своей двери. Его могучая фигура была прямо у входного проема. Меня насторожило, что не звал, не стучал, а просто находился на крыльце. Уже было закралась мысль посмотреть, что будет дальше, но вдруг Денис Егорович обернулся и увидел меня. Наверняка услышал шаги, слух-то чуткий, как у хищника. Я поздоровался с ним и поинтересовался о возможности похода в лес, напомнив про водителя Юру и уточнив свои желания относительно вепря.

Егерь хмуро смотрел на меня, однако недовольства в его взгляде я не увидел.

– Засада на кабана опасное дело, не забава. Зверь он слабинау почуять может, напасть. Я-то рядом буду, но всяко бывает...

Может виной был алкоголь, но почему-то я увидел в его словах выпад в мою сторону.

– То есть такой вот городской мальчишка, вроде меня, в лес не должен и носа совать, да? А то ведь испугается, да помрет со страху!

– Умирают в лесу долго, а вот убивают быстро, – ровно ответил мужчина.

Сплошные философы и мастера высказываний тут в деревне, саркастически подумал я. Егерь же продолжил, не меняя интонации:

– Просто слушайте меня в лесу. Мне мертвяк там ни к чему. Будете нос перед зверем задирать – быть беде. Так что, одевайтесь потеплее, если есть нож – берите. Вода тоже пригодится. Выйдем еще по светлому, пока дошагаем. И это еще... Желательно облегчитесь, а то зверь в чаще потом учует.

Я не знал, что ответить на столь интимный совет лишь стоял столбом, смотря на бывалого охотника.

– Я зайду через пару часов, – прогудел Зверев и без лишних церемоний удалился по направлению к чаще. Мне стало даже немного стыдно. Он ведь даже не обязан был мне помогать, а я тут строю еще из себя требовательного руководителя. Ну да ладно, если будет удобный момент извинюсь.

Зайдя в дом, я озаботился сборами на вечер. Все необходимое удобнее всего будет нести в рюкзаке, освободив руки, но для начала его нужно опустошить. Вынимая белье и консервные банки мне показалось, что они раньше лежали как-то не так. Ведь я еще не переодевался, успел только поесть, то есть банки были сверху. Сейчас же они оказались под одеждой. Но, возможно, показалось. Итак, что мы имеем: фляга с водой в рюкзаке, туда же полетел коробок спичек, теплые перчатки, банка тушенки, спальный мешок. Нож, удобнейшую вещь с несколькими лезвиями и даже пилками, я спрятал в карман куртки. Подумав, добавил к нему шоколадку. Говорят, их выдают военным, для концентрации разума. Еще одна моя гордость – новенький электрический ручной фонарь Eveready. Тяжеловат (я взял самый мощный, с тремя батарейками), зато светит долго и ярко. Но его лучше приберечь для крайних случаев, так как комплект батареек единственный. Вроде бы все необходимое собрано. А, бинокль! Чудесная оптика влетела в копейку, но зато я мог из окна своего дома разглядеть что читает мисс Хорни, живущая на соседней улице. И во что она одевается.... В кофре, где лежал бинокль, мне в глаза бросилась коробочка с набором для проявки фотографий. Надо показать Костомарову, заодно предупредить его о вечернем походе. Еще раз осмотревшись, я наконец-то покинул избу, не забыв запереть ее на гвоздь. Радостное возбуждение переполняло душу, когда раздался оклик:

– Здорово! Будешь клюкву? Вкуснющая!

Это был мой новый знакомый Тимоха и он снова, весь счастливый, бежал из леса в мою сторону. Правда на этот раз уже в распахнутой куртке. Перепачканные ладони сжимали горсть темно-синих ягод, которые он протягивал мне.

– Спасибо – я не мог не ответить на такую искреннюю улыбку своей. – Ты гуляешь?

– Маманя послала ягод собирать, – парень еще ближе протянул мне ягоды и пришлось взять еще. Вкус был немного терпкий и кислый.

– Ты молодец, помогаешь матери, – памятуя замечание Костомарова насчет умственного состояния Тимохи, я избрал тактику беседы как с ребенком.

Юноша гордо приосанился, а затем наклонился прямо к моему лицу и зашептал:

– Я хочу увидеть ее. Опять!

– Кого, Тима? Ты говоришь о человеке?

Он задумался:

– Не знаю. Может быть. Давай покажу тебе, а? Айда со мною! – и было потащил меня за собой.

– Извини, но мне сейчас надо кое-куда сходить. Вот вернусь и тогда может быть зайду.

Живая мимика парня отобразила легкое расстройство, что мне было неприятно. Из кармана появилась припасённая шоколадка, половинка которой была вручена Тимохе:

– Вот держи, это тоже очень вкусно, только не съедай все сразу! – дал я напутствие, которое сам никогда не выполнял. Он принял гостинец, осмотрел и быстрым движением надкусил. Улыбка вернулась на его лицо и можно было со спокойной душой идти дальше.

Рядом пролетела какая-то серая птица, где-то вдалеке заливалась другая. Выглянуло солнце и окружение словно избавилось от злых чар: покосившееся избы стали похожи на сказочные, заиграли цвета на деревьях и траве. Я был очень рад, что судьба подтолкнула меня к приезду именно в Россию. Ведь для многих она сродни другой планете – какой-то огромный кусок земли, расположенный где-то очень далеко, за тридевять земель, где большинство людей, скорее всего, никогда и не побывают. Вся информация о ней скудная, переданная обрывками повествований торговцев или рассказами эмигрантов, нередко подбавляющих темных красок. Я не говорю о России, в которой творили Достоевский, Чайковский и множество других замечательных личностей, тут скорее Россия исконная, то есть места, где хорошо прослеживаются как ее современные начала, так и наследие древних славянских времен. У здешнего жителя нет хозяина, как при крепостном праве, но еще нет и строгого родителя в виде государства. Мне кажется, люди должны узнавать о другом народе по его культуре и традициям, а не по политическим действиям, так как политика – море бурное, а культура спокойное, медленно наполняющееся древнее озеро, как Байкал. В беседе с самим собой я и не заметил, как оказался у дома Костомарова. Постучался. Спустя несколько секунд лязгнул засов на дверях. Я ждал, что дверь откроется, но ничего не происходило.

– Корне... Док?! – крикнул я, пребывая немного в замешательстве.

– Входите, голубчик, я отпер дверь, – донеслось приглушенно из недр избы.

В знакомой мне уже комнате доктор не обнаружился, зато была открыта та самая дверь, откуда он в прошлый раз приносил снесь.

– Ну, где вы там? – именно оттуда позвал меня голос. – Пожалуйста в моя святая святых.

Скрытая от лишних взглядов часть дома впечатляла: различные тумбочки и поверхности, верстак с какими-то приспособлениями, полки с шеренгами различных емкостей. С потолка свисали пучки трав. В одном углу была небольшая печь, уставленная железной утварью, противоположный же угол был загорожен шторой. Хозяин сидел за небольшим столиком, прямо напротив окна. На стене перед ним, металлическим гербарием всели различные инструменты. Склонившись над точильным кругом, Костомаров затачивал какую-то стамеску. Резкий контраст между общей простотой этого селения и ремесленной насыщенностью данной комнаты притупил мое внимание. В процессе заточки доктором своего инструмента я не видел ничего не обычного: скрежет, сноп очень мелких искорок, вращение камня. Электричества в Чернолесье нет, наверняка ножной привод, я видел такие. И тут пришло озарение – ножной? Но...

– Ну как вам моя келья? – улыбнулся Корней Аристархович, повернувшись вместе сидением табурета. – Не университетская лаборатория, конечно, но все же.

– Здорово! А вы... тут занимаетесь... – замялся я, не зная, как корректнее спросить о работе механизма.

– Понемножку, мой друг. Специалист широкого профиля, так сказать. В моем предыдущем обществе широким профилем считалось уметь играть не только в карты, но еще и в теннис, – Костомаров оттолкнулся от стола и подъехал почти вплоты ко мне. Табурет то оказался не простой – с колесиками. – Здесь я и врач, и травник, он же фармацевт, немного токарь, чуточку плотник и в какой-то мере ученый-экспериментатор. Здесь без этого никак, с каждой мелочью не набегаешься, особенно я.

– Еще и напитки делаете! Особенные. . . , – вспомнил я и голову легонько сжал невидимый обруч.

Доктор учтиво склонил голову.

– Смотрю у вас тут и приспособления всякие разные. А на чем они работают? Какой-то ручной привод?

– Уж точно не ножной, – хмыкнул Костомаров. – Генератор имеется. Я думал, Вы его в прошлый раз заметили. Слышите равномерный шум снаружи?

Откуда-то сверху действительно доносился звук, похожий на издаваемый велосипедным колесом, если раскрутить его в воздухе.

– Дом у меня на пригорке, как Вы, наверное, заметили, – док сделал легкое ударение на последнем слове, но это звучало больше шутливо, чем обидно, – посему кое-какие потоки воздуха имеются. Вокруг, конечно, лес, мачта не столь высока, но чтоб крутить жернова для перемалывания или, как Вы наблюдали, точильный камень – вполне достаточно. Дополнительно имеется ряд редукторов, рассчитанных на определенные задачи. Иногда нужна скорость, иногда тяга. Жаль нефть далековато, я бы тут двигатель тогда приспособил. . .

Я продолжал с интересом разглядывать эту мастерскую:

– Вы мне дверь отсюда как-то открыли?

– Да. Есть у меня волшебный тросик. Потянешь – замок открывается и ставится на хитрую пружинку. Еще раз дергаешь, – Костомаров подъехал к смежной с другой комнате стене и дернул за висевший, словно ослиный хвост, трос с деревянной рукоятью на конце. Где-то внутри стены со входной дверью лязгнуло.

– Силы экономит и время. Там еще и трубка есть разговорная, чтоб мне зря к двери не плестись и сию кузницу от лишних глаз не запирать. Сначала пообщаюсь и уж если надо, то уже поплетусь открывать. Помимо ушей глаза тоже имею. Подойдите, мой друг, к печи. Да-да именно туда. Видите, из стены трубка торчит? Окажите любезность, посмотрите в нее.

Я так и сделал. Взору открылось крыльцо, с такой точки, словно я залез на крышу, понаблюдать за проходящими. Картинка была немного искажена выпуклостью, будто весь мир попал под какой-то колпак, но это ничуть не мешало. Мой восхищенный взгляд был явно приятен Костомарову.

– И с другой стороны такой перископ имеется. Кругозор, так сказать. Самое сложное было достать хорошие зеркала и линзы.

– Откуда, кстати, все детали этих устройств? Работа, безусловно, проведена колоссальная, но ведь не сами же вы все вытачивали? – удивился я.

– В прошлом нашем разговоре я вскользь упоминал, но объясню еще раз и подробнее. Мой уважаемый папенька говаривал, что разумный человек может силой своего знания материализовывать вещи, причем без всякого колдовства. Звучит заумно, но суть передана точно. Всякие случаи бывали. Слух пошел, так люди из других поселений приходили. Кузнецу сынишку подлечил от бронхита – он мне помог с инструментами и некоторыми деталями. Плотник как-то свой главный инструмент сломал – руку. Я ему по всей науке шину наложил, чтоб потом такая же ловкая осталась. Тоже не отказал мне в помощи. Нефтяники также обращались, бывало, хоть у них вроде и свой доктор должен быть. Что-то заказывал чтоб привозили из городов, пускай даже бутылки стеклянные из кабаков. Бывало, письма умные писал, на

обустройство фельдшерского пункта просил себе то кусок металла, то приспособление какое. В принципе не обманул – многое в лечебной практике пригодилось.

– Ну вы даете, – только и смог я прокомментировать. – я чувствую себя просто... неопытным таким рядом с вами.

– Бог с вами, Митт. Это синдром известный. Перед отцами мы всегда робеем. Вот взять меня: уже не молод, в медицинской жизни навидался столько сколько и в учебниках не читал, в последние годы сам себя обслуживая от и до, но все равно отец для меня все еще внушительная фигура. Как подумаю, что он операции сложные проводил, с большими людьми общался – сразу уменьшаюсь в размере. Как только вижу сложный врачебный случай, то думаю – папенька бы как-то решил проблему, разобрался, а мне вот надо тысячу раз подумать. И начинать, не будучи уверенным в своих действиях.

Корней Аристархович очень точно подметил. Я также, бледной тенью ходил по дому в разгар депрессии. Отец куда-то ездил, что-то решал, руководил действиями нашей семьи.

Я рассказал Костомарову о встрече с егерем и плане похода в лес. Не преминул похвастаться своим туристическим хозяйством.

– Надо же какие штучки-дрючки, – поцокал языком доктор, держа в руке отливающий металлом фонарь. – Очень занято.

– Надеюсь, что сегодняшней вечер принесет нам немало интересного, – я уже был полон возбуждения, укладывая фотоаппарат обратно в рюкзак.

– Не менее искренне жду этого и я, друг мой. Я вижу, что экипировались вы изрядно, но хочу немного дополнить ваш арсенал.

– Чем же? – я был совсем немного, но задет.

Костомаров подъехал к верстаку, засунул по нему голову, загремел какими-то железками и протянул мне короткий, но очень крепкий на вид нож, с плоской рукояткой:

– Сейчас я вам дам ремешочек и вы примотайте ножичек к ноге. Вы ведь правша? Тогда к правой. Знаете, всякое бывает. Упадете на спину или еще что – удобно достать.

Я послушался и с ножом на ноге почувствовал себя довольно крутым парнем. И мне это нравилось.

– Вы же имеете ввиду встречу со зверем? Ну я про падение на спину.

– Это тоже может быть, – пристально посмотрел на меня Костомаров, – но вы и двуногих со счетов не списывайте.

– Вы что думаете Денис Егорович...

– Я ничего не думаю, Митт. Лишь хочу дать вам маленькую страховку. Кстати, об охотнике. Почему-то мне кажется, что он не раскроет нам, точнее вам, места куда поведет. Не захочет терять личный контроль над ситуацией. Вдруг Вы потом сами туда решите сходить.

Звучало реалистично. Скорее всего так и будет.

– Предлагаете запомнить дорогу? Я, конечно, постараюсь, но лес такой густой... трудно найти за что взглядом зацепиться.

– Тут вы совершенно правы. И не принимайте это на свой счет, местные тоже хорошо ориентируются только на определенном участке в роще. Кто заходит дальше бывало и не возвращается. Нам поможет наука, – док резво покотился к полкам на стене, достал с одной из них склянку с чем-то непонятным и вручил мне.

– Вот держите. Сейчас еще и кисточку вам выдам.

– Кисточку? Вы предлагаете делать метки?

– В целом да. Только метки не обычные, а видимые только нам с вами!

Мой вопросительный взгляд заставил Костомарова хитро улыбнуться:

– У вас в руках вещество моего собственного приготовления. Я назвал его рефлексин.

– Это светящаяся в темноте краска? – догадался я.

– Ну в каком-то смысле. Это особый состав, который при высыхании приобретает высокие отражающие свойства. Что не менее важно – без света он еле заметен на коре деревьев. Я задумал это средство, чтобы помечать себе тропы в лесу, куда навещаюсь, хожу за большинством моих ингредиентов. Это тоже своеобразная защита от любопытных, ведь мало кто-то просто так пойдет ночью вглубь леса, кроме такого полоумного как я, ночью следить не станут. А я с лампой находил путь так же уверенно, как и днем. Кстати днем, при направленном свете, вроде вашего фонаря, метки очень хорошо видны. Вот, держите и кисточку.

Я взял банку, до половины наполненную зеленоватой краской, повертел в руках, и убрал в карман.

Костомаров прислонился спиной к одному из столов и внимательно на меня посмотрел:

– Думаю Зверев будет идти впереди Вас, так что сложности с незаметным нанесением быть не должно. Но все равно, будьте начеку, друг мой. Желаю удачи и жду Вас сразу же после возвращения.

Мы пожали друг другу руки, и я отправился домой, больше привести в порядок свои возбужденные мысли, чем дать отдых телу. Не покидало ощущение, что без доктора я бы тут совсем растерялся. Благодарность за его помощь тоже витала в моей душе, но ее активно вытесняло облако желания доказать, что я проверну все как надо. Приспособлюсь к лесу, соберу нужную информацию, в общем – не пропаду.

Глава 6. Загадочный лес и его обитатели

Егерь постучался в дверь, когда круг солнца уже начал плавный ход вниз. Было еще довольно светло, но окружение снова принимало недружелюбный вид. Мрачнейший лес заплелся длинными тенями, словно скрывая все свои детали от гостей. Очень громко щебетали птицы, созывая, как мне казалось, своих пернатых родственников побыстрее спрятаться по их птичьим домам. Зверев уверенно шел впереди меня, сохраняя молчание. Я же прилежно делал мазки на деревьях, стараясь сильно не шуметь. Один раз егерь вдруг развернулся и увидел меня, стоявшим очень близко к дереву. Смерив меня взглядом, недовольно пробурчал:

– Облегчиться позабыли?

– Эээ...нет, я тут просто увидел...извините, – особенно изображать стыд мне и не пришлось, все было естественно.

– Не отставайте, – бросил мне Зверев и продолжил путь.

Шли мы, как подсказывал мой хронометр, около полутора часов. Ручей на пути не встречался. Мы петляли в зарослях, спускались в какие-то ложбинки, перелезали через упавшие деревья. Я уже изо всех сил экономил краску, стараясь наносить ее лишь на самые крупные деревья. Впереди маячило как раз такое – огромный дуб, буквально закрывавший собой небо. В этот момент егерь поднял руку, призывая к вниманию, затем этой же рукой поманил меня к себе. Взглядом указал куда-то вниз. Я прищурился и увидел комья земли, немного выбивающиеся из общего травяного и земляного ковра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.